

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ВАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ
Valaam Society of America : P. O. Box 130, Forestville, CA 95436 U.S.A.

Годъ XXXIX.

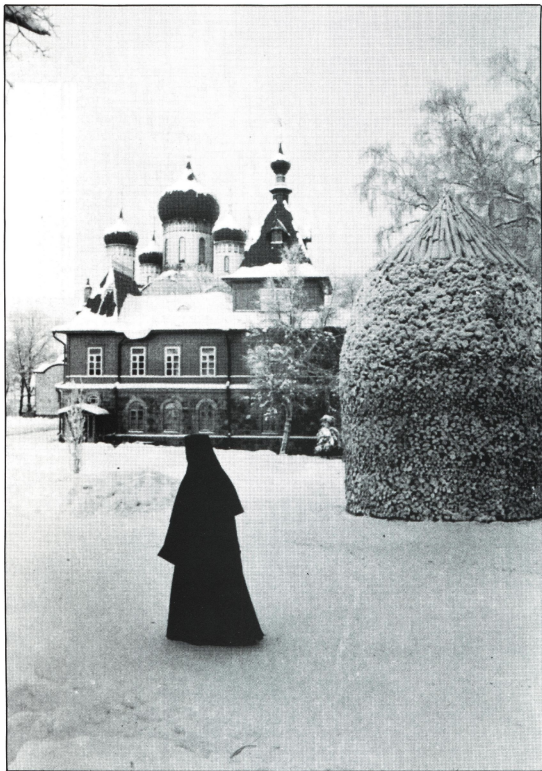
№ 13

1996 г.

ПЮХТИЦКІЙ

УСПЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ

Зимой в монастырь; бѣлоснѣжная обитель, охраняемая монахинями-
муроносицами для грядущей Св. Руси.

НА ОБЛОЖКѢ: Пюхтицкій монастырь зимой.

НА СТРАЖЬ ИСКОННАГО НАСЛѢДІЯ

ВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКАГО Православія какъ почитанія воплотившейся Истины, Господа нашего Иисуса Христа, оставило неизгладимый слѣдъ въ духовномъ развитіи человѣчества, превративъ пашаго человѣка въ ангело-подобнаго носителя Божіей благодати. И этотъ первоначальный образъ Божій въ человѣкѣ, пріобрѣтается стяжаніемъ Духа Святаго, охраняется волевымъ самовоспитаніемъ и передается отъ одного поколѣнія къ другому взаимной искренней любовью. Любовь, точно пламя, должна согрѣвать сердце личности и вдохновлять дремлющій первообразъ, первоначально созданный «по образу и подобію Божію». Въ этомъ заключается назначеніе человѣка на землѣ. И нечистый духъ зла, страдая завистью передъ человѣкомъ, стремится уже въками плѣнить родъ человѣчскій въ свой міръ ладныхъ духовъ, пердѣлать на свой ладъ духовное устроеніе людской психики, чтобы зло казалось привлекательнымъ «добромъ», и осуществлять это руками христіанскихъ вождей, каноническихъ епископовъ и всего духовенства; и сдѣлать это подъ маской возобновленія, улучшенія, прихорашиванія, будто исконное Православіе чѣмъ-то несовершенно или «устарѣло».

Борьба добра и зла, по выраженію Достоевскаго, происходитъ на полѣ брани человѣческихъ сердець. Поэтому Земная Церковь Христова называется *воинствующей*, а Небесная *торжествующей*, гдѣ уже ликуютъ святыя, побѣдившіе вражія прельщенія, и ликуютъ въ своемъ лучезарномъ обликѣ отражая Христа. Это и есть Царство Небесное — цѣль земной жизни. А тѣ, кто еще находясь на землѣ восхваляютъ его въ своихъ праведныхъ душахъ, искупленныхъ Крестной Жертвой Христовой, ощущаютъ посредствомъ св. таинства внутри себя, по словамъ Христа «Царство Божіе внутри васъ есть» (Лк. 17: 21).

Если съ этой точки зрѣнія прослѣдить исторію Христіанства, то картина современнаго состоянія правды и моды наглядно покажетъ намъ, что даже наше драгоценное Православіе, унаслѣдованное нами отъ великихъ святыхъ и учителей величайшей философіи жизни пренеподобныхъ отцовъ, атакуемо міромъ злыхъ

духовъ. Однимъ словомъ — идетъ точчайшая война противъ исконнаго подлиннаго Православія. И одинъ изъ зловѣщихъ соблазновъ, что распялся въ своей огульной побѣдѣ, это лжеученіе видѣть Св. Церковь какъ лишь юридическое лицо, какъ организацию съ президентомъ во главѣ, а не вѣчно живой Организмъ Тѣла Христова.

Съ одной стороны, на Западѣ поднимается свою искаженную личину бунтомъ восстающее старое «обновленчество». Въ православныхъ Греческихъ, Антиохійскихъ и др. приходахъ новостильники ставятъ въ серединѣ храмовъ скамьи съ подушками, ограны и снимаютъ иконостасы, несмотря на фамиліарную популярность византийскихъ иконъ. Это запоздалая имитация Vatican II, истребляющая старое благочестіе.

А съ другой стороны, какъ реакція противъ моды омръщвленія «куменизмомъ» наши консерваторы, точно раскольники 17-го вѣка, не признаютъ ни у кого таинства и всѣхъ стрѣмившихся ко Христу, даже изъ другихъ православныхъ Церквей, перекрещиваютъ даже по ифскольکو разъ, наводя этимъ гнетъ и фарисейскую ненависть.

На Руси же, несмотря на 70-лѣтнее рабство Богоборческому Коммунизму, Православіе сохранило свою преданность Исконному Наслѣдію и могло бы дать отпоръ, да смущается наплыву иновѣрныхъ всякаго толка. И напрасно! Духъ подлиннаго Православія живъ на Руси, хотя и подтачивается опять-таки двоякимъ соблазномъ — тѣмъ, чѣмъ страдаютъ на Западѣ. Самое главное — отстоять вѣрность исконному свято-русскому свято-отеческому наслѣдію и любить нелицемѣрно, любить всѣхъ. Это и есть ощущение и видѣніе Царства Небеснаго.

Монашескій чинъ на это призывается и, слава Богу, монашество на Руси растетъ и должно задавать тонъ вселенскому Православію. Въ этомъ и призваніе его. Надо крѣпко дѣржать въ себѣ этотъ даръ видѣнія Царства не отъ міра сего. Надо умѣть его защищать въ духѣ христіанской любви. И надо непременно свидѣтельствовать о немъ всему міру. Это нашъ общій долгъ и залогъ будущаго вѣка. Святитель Игнатій Брянчаниновъ предупреждалъ: «Кто не ощущаетъ въ себѣ Царствіе Божіе, тотъ не сможетъ распознать прішествіе антихриста».

А долго ли до антихриста? Господи, подай намъ силы стоять безстрашно на стражѣ нашего исконнаго наслѣдія.

Игумень Германъ

«Царство Мое не отъ міра сего».
(Ин. 18:36)

ИГУМЕНІЯ ВАРВАРА (Блохина),
первая настоятельница 23-го Декабря 1915 г.

ПЮХТИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ

СВЯТАЯ ГОРА

В ОЛБЕ 400 лѣтъ тому назадъ въ Эстоніи на Журавлиной горѣ (по Эстонски Куремя), что въ Эстоніи, тамъ, гдѣ нѣкогда сражались славные воины св. благ. князя Александра Невскаго, явилась пастухамъ Свѣтозарная Жена. Они устремились на гору — виднѣе исчезло, но скорѣ появилось вновь. Пастухи позвали сельянъ, желая, чтобы и тѣ увидѣли Дивную Госпожу, въ сияніи свѣта невечерняго стоящую. Пресвятая Богородица и ихъ почтила Своимъ явленіемъ. Поднявшись на мѣсто, гдѣ стояла Благодатная Жена, крестьяне обрѣли въ расщелинѣ древняго дуба икону Успенія Журавлиной горы, прославившуюся многими чудотвореніями и исцѣленіями.

Съ тѣхъ поръ мѣстные жители прозвали гору Пюхтицкой, то есть Святой, а у многолѣвковаго дуба, который стоитъ и понынѣ, православные поставили часовню, въ которой хранилась чудотворная икона. Отовсюду шли сюда люди поклониться образу, дарованному Самой Царицей Небесной, омыться въ животворящихъ водахъ источника. Ежегодно на праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы въ Пюхтицу собиралось такое множество паломниковъ, что во время всеобщей вса гора была усыяна огоньками свѣчъ, которая держали въ рукахъ молящіяся. Всю ночь рядомъ съ часовней и древнимъ дубомъ слышалось молитвенное пѣніе, читались акаѣисты.

И свершилось чудо. Находящіеся въ крайней бѣдѣ, гонимые и притѣсняемые православные обрѣли здѣсь и пристанище, и духовное утѣшеніе, и надежду спасенія: на Святой горѣ Божія Матерь благоволила основать Успенскую обитель. Собравъ въ Пюхтицѣ вѣрныхъ Христу и Православной Церкви дѣвъ, Пресвятая Богородица даровала зарождавшемуся монастырю и великаго пастыря — земаго ангела и небеснаго челоуѣка, всероссійскаго молитвенника, праведнаго отца Іоанна Кронштадтскаго. Ревностный воинъ Христовъ батюшка Іоаннъ сталъ поистинѣ роднымъ отцомъ для сестеръ обители, помогаая, настаивая, духовно окормляя ихъ.

Не шая себя, бескорыстно отзываяся на бесчисленные просьбы обратившихся къ нему за молитвенной помощью (въ Кронштадтѣ было открыто даже специально почтовое отдѣленіе для корреспонденціи протоіеря Іоанна Сергіева), строя церкви и монастыри, ставя на ноги обнищавшихъ и страждущихъ въ основанномъ имъ кронштадтскомъ Домѣ трудолюбія, не оставляя при этомъ ежедневнаго служенія Божественной Литургіи, не имѣя по сути дѣла времени для сна, великій праведникъ всегда помнилъ и о далекой Пюхтицкой горѣ въ Эстляндіи. Тамъ его ждали и вѣрили: родной батюшка не забудетъ, вымолитъ, поможетъ. Отецъ Іоаннъ очень любилъ сестеръ пюхтицкихъ; многихъ своихъ духовныхъ чадъ посылалъ въ обитель, говоря: «Идите въ Пюхтицу, тамъ три ступени до Царствія Небеснаго».

По сохранившимся разсказамъ первыхъ сестеръ, великій свѣтильникъ Руской Православной Церкви, пер-

вый почитель тогда новосозданной и строящейся Пюхтицкой обители, о. Иоанн Кронштадтскій снималъ на монастырскомъ кладбищѣ передъ каждой могилой шляпу, говоря: «Сколько здѣсь почитаетъ нетлѣнныхъ мошей — этого чуда, чрезвычайнаго дара Церкви». Высоко онъ цѣнилъ труды и подвиги первыхъ пюхтицкихъ монахинь. «Пюхтицкія сестры большими шагами идутъ въ Царство Небесное», — говорилъ Батюшка.

Трудъ каждодневный былъ здѣсь едва ли не непосильный: нужно было сочетать строительство общины, трудоемкія сельскохозяйственныя работы (во владѣніяхъ монастыря было тогда около 200 гектаровъ земли) и монашеское правило. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, которые нынѣ бережно хранятся въ обители, дорогой Батюшка писалъ Пюхтицкимъ сестрамъ:

«Сестры обители! Къ вамъ речъ моя. Имѣйте всегда Игуменію въ великой чести и слушайте ее; смотрите на ея распоряженія въ простотѣ сердца и повинуйтесь ей съ усердіемъ, да и сами между собою живите въ любви и почитайте другъ друга честию одна другую больше творя, къ службамъ церковнымъ и монашескимъ послушаніямъ спешите усердно, помните, что это все ведетъ васъ ко спасенію. Другъ другу не завидуйте, всѣмъ доброжелательствуйте, Господа возлюбите всей душой и всѣмъ сердцемъ. Пресвятую Дѣву Богородицу чтите и любите, какъ свою Небесную Матерь и Благодѣтельную, будьте по мѣрѣ силъ подражательницами въсѣхъ святыхъ...» И въ другомъ письмѣ: *«Посылаю обители двѣсти рублей, располагайте благочестивыхъ людей въ Москву и Петербургъ и дружись городами черезъ письма къ благотворенію вашей убогой обители, и да не оскудетъ она до скончанія вѣка по молитвамъ и предстательству Царицы Небесной — въ Ея Пречистыхъ рукахъ всѣ сокровища небесныя и земныя».*

По преданію, когда о. Иоанн Кронштадтскій освящалъ монастырскій трапезный храмъ въ 1895 г., онъ порѣзалъ мизинецъ, полилась кровь, и тогда Батюшка сказалъ: «Обитель эта будетъ стоять до скончанія вѣка, и на этой горѣ кровь прольется за Христа, мученики будутъ». Онъ предсказывалъ войны и все то, что переживетъ монастырь. «Держитесь за травку, ограда спасетъ», — говорилъ о. Иоаннъ первымъ пюхтицкимъ сестрамъ.

Нашъ рассказъ — о блаженныхъ старцахъ: рясофорной послушницѣ Еленѣ и монахинѣ Екатеринѣ, несшихъ въ этой обители трудный подвигъ юродства Христа ради.

Несомнѣнно, между ними существовала особенная духовная связь. Недаромъ блаженная Елена, умирая, передала свое «блаженство» матери Екатеринѣ, прозрѣвъ съ высокаго духовнаго устроенія. А мать Екатерина еще въ 20-хъ годахъ, вскорѣ послѣ поступленія въ монастырь по собственному желанію переселилась въ скитъ Геосимана, гдѣ жила въ тѣ годы блаженная мать Елена. Жизнь обѣихъ старихъ была «ожиданіемъ предъ Богомъ» и освящала всю духовную жизнь монастыря.

Образъ явленія Пречистыя Богородицы при источникѣ у Святой Горы, подаренный Святому Иоанну Кронштадтскому живописцами Пюхтицкаго Успенскаго женскаго монастыря въ 1894 году.

ЕЛЕНА БЛАЖЕННАЯ

Память 10-го Ноября (†1947)

«Душевный человекъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно».

Но духовный судитъ о всемъ, а о немъ судитъ никто не можетъ».

(1 Кор. II: 14-15)

УШАНЬЕВА Елена Богдановна родилась 21-го Мая 1866 года въ селеніи Верхній Островъ Псковской губерніи. Воспитанная благочестивыми родителями Богданомъ и Анной, достигши 25-лѣтняго возраста, она посвятила себя жизни иноческой, имѣя расположеніе къ тому съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Въ монастырской Домовой книгѣ есть записъ о томъ, что дѣвица Елена Кушаньсва поступила въ

число послушниц 13-го Июля 1891 года изъ Россіи, Александрова Посада Псковской губерніи и уѣзда.

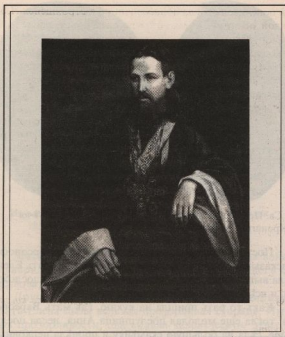
Черезъ мѣсяць, 15-го Августа 1891 года, на Пюхтицкой Богородицкой горѣ при участіи св. прав. Іоанна Кронштадтскаго совершенно было торжественное открытіе женской монашеской общины. Возглавила ново-созданную общину монахиня Коостромскаго Богоявленско-Анастасіина монастыря Варвара (Блохина), ставшая вскорѣ первой Пюхтицкой Игуменей.

На плечи первой Настоятельницы и сестеръ легло основное бремя трудовъ по устройству обители. Быстро продвигалось строительство въ Пюхтицахъ — за одинъ годъ на Святой горѣ появились временная трапезная, жилые дома-келиі, зданіе пріюта для дѣтей, хозяйственныя постройки, заложены были Святыя врата съ колокольней надъ ними, посажены деревья. Помимо большихъ строительныхъ работъ успѣшно налаживалась и молитвенная жизнь обители. Въ первый же годъ въ ней были введены полныя монастырскія богослужебныя круги, созданы два монашескихъ хора на церковно-славянскомъ и эстонскомъ языкахъ. Опытная въ монастырской жизни Игуменья Варвара съ первыхъ же дней существованія обители сумѣла установить строгій монастырскій порядокъ, какой можно было встрѣтить только въ старинныхъ монастыряхъ.

Проходившая общіе послушанія рясофорная послушница Елена вскорѣ назначена была Игуменей Варварой уставицей, какъ хорошо знавшая богослужебный Уставъ. При второй Пюхтицкой Настоятельницѣ Игуменей Алексіи (Пляшквичъ), управлявшей монастыремъ съ 1897 по 1921 годъ — на монастырское Ревельское подворье.

Съ тѣхъ давнихъ временъ сохранилось преданіе. Какъ-то мать Елена возвращалась съ подворья въ Таллиннъ. За ней была послана изъ монастыря лошадь на станцію Йхви (тогда Йевве), гдѣ также устроено было небольшое монастырское подворье для пріѣзжающихъ въ Пюхтицы по желѣзной дорогѣ. Однако мать Елена, тогда уже въ возрастѣ около 50-ти лѣтъ, не пожелала ѣхать, а возвратилась въ монастырь пѣшкомъ, пройдя 25 км. отъ станціи. Случай тотъ запомнился. Видно, съ тѣхъ поръ она и стала привлекать вниманіе своимъ страннымъ поведеніемъ.

Послѣдовали тяжелые годы войны и разрухи. Сразу по возвращеніи въ монастырь изъ Таллинна мать Елена была послана на послушаніе въ Геосиманію — такъ назывался монастырскій скитъ въ 25-ти верстахъ отъ обители и въ 2-хъ верстахъ отъ села Яамы, гдѣ въ бывшей Вихтизбійской лѣсной дачѣ устроена была монастырская богадельня и уединенно жили 10-15 насельницъ (преимущественно престарѣлыя монахини и двѣ слѣпыхъ, съ дѣтства принятые въ монастырь), имѣвшихъ для своего пропитанія небольшое хозяйство, въ основномъ огорода, и 5-6 коровъ. Помимо трудовъ каждодневно насельницы скита исполняли молитвенное правило Пахомія Великаго, установленное при первой Настоятельницѣ Игуменѣ

Протоіерей Іоаннъ Кронштадтскій (Сергіевъ), причисленный къ лику святыхъ въ 1964 г. (Портретъ Баранова, масло, 1888 г.).

Варварѣ въ 1896 году. Въ него входило 12 псалмовъ во дни и 12 псалмовъ въ ночи съ умирительными тропарями и многочисленными поклонами. Въ скитскую домовую церковь въ честь Успенія Божіей Матери ежемѣсячно пріѣзжалъ священникъ, чтобы совершить Божественную литургію и причастить большихъ старцевъ. По праздникамъ всѣ вмѣстѣ ѣздили въ церковь въ Яамы.

Незадолго передъ войной въ 1938 году мать Елена, почитавшаяся тогда уже блаженной, возвратилась въ обитель изъ Геосиманскаго скита. По рассказамъ сестеръ, она пришла въ монастырь въ тотъ годъ на праздникъ Троицы вмѣстѣ съ матерью Алексіей, которая несла въ Геосиманскомъ скиту послушаніе келарши. Въ скитѣ блаженная старица больше уже не возвратилась. Она поселилась въ домикъ у калитки при Святыяхъ вратахъ, въ крайней угловой келии. Тамъ жила тогда монахиня Асенефа (Екимова) — у нее незадолго передъ тѣмъ, въ началѣ апрѣля, умерла келейница монахиня Арсенія (Рылина), бывшая привратницей у монастырскихъ вратъ.

Многое, по сохранившимся въ обители преданіямъ, ясно свидѣтельствовало о богоугодной жизни матери Елены. И понынѣ съ благоговѣніемъ среди Пюхтицкихъ сестеръ сохраняется память о блаженной старцѣ, подъ видомъ юродства скрывавшей свои подвиги. Вся жизнь матери Елены была сокровенна въ Богѣ, и лишь изъ краткихъ свѣдѣній, имѣющихся о ней, какъ изъ драгоценныхъ крупинъ, можно составить образъ благодатной старцы.

Св. Прав. О. Иоаннъ
Кронштадтскій, †1908

Игуменя Варвара 1-ая
1888-1897 гг.

Игуменя Алексія
1897-1921 гг.

Игуменя Иоанна
1921-1943 гг.

Поступившая въ 1934 году схимонахиня Варсонофія рассказываетъ, что въ то время уже 68-лѣтняя мать Елена была выше средняго роста, видная, крѣпкаго тѣлосложенія, и всѣ поступки ея были какъ блаженной.

Какъ-то разъ пришла на кухню, гдѣ мать Варсонофія, тогда еще молодая послушница Анна, несла послушаніе, съла на большую скамѣйку и пропѣла церковный хвалебный гимнъ «Тебе Бога хвалимъ» — отъ начала до конца. Въ другой разъ въ соборѣ поднялась на клиросъ, посидѣла съ ними, потомъ спустилась и ушла — сама она на клиросѣ не пѣла, но была хорошей уставщицей и много стихиръ и тропарей знала наизустъ.

«Бывало, приходилось по дѣламъ послушанія вставать рано. Идешь въ 3 часа утра за молокомъ на скотный дворъ, а она уже со скотнаго идетъ, вся мокрая. Спросишь ее: «Гдѣ, мать Елена, была?» — А она отвѣтитъ: «На войнѣ была!» Особенно передъ тѣмъ, какъ скотному сгорѣть, она все ходила туда — видно, молилась, чтобы скотъ не погибъ.

А такъ бывало встрѣтишь ее и скажешь: «Мать Елена, благословите!» — Она то скажетъ: «Богъ благословитъ!» А то отвѣтитъ: «Не моя недѣля». Или и вовсе молча пройдетъ. Часто ее ночью съ кухни можно было видѣть. Около 3-хъ часовъ ночи выходитъ и начинаетъ вокругъ собора ходить: то камушки собираетъ, потомъ ихъ переноситъ, то опять на мѣсто кладетъ. И все это имѣло особенное значеніе. Въ обители издана существоуетъ преданіе о томъ, что въ 3 часа ночи здѣсь Матерь Божія является. Валаамскій старецъ іеромонахъ Памва, по сохранившимся разсказамъ, неоднократно похитничимъ сестамъ о томъ же говорилъ: «Въ 3 часа ночи у васъ въ обители Матерь Божія всегда ходитъ».

Страннымъ своимъ поведеніемъ мать Елена привлекала вниманіе: то вдругъ закричитъ, то замашетъ рукой, то даже ногой топнетъ — и всѣ дѣйствія ея при этомъ были рѣзкіе, стремительныя.

Сонъ имѣла самый непродолжительный: ночью пѣла и читала псалмы. Псалтирь знала наизустъ. Любила мыть, чистить, особенно туалеты.

Были въ монастырѣ какъ-то печерскіе рабочіе — ремонтировали колокольную. Незамѣтно она забралась туда подъ колокольную и напугала ихъ — палкой все тамъ въ темнотѣ стучала. Вотъ такія вещи она все время и дѣлала. Крестъ юродства добровольно ради Господа она несла всю свою долгую жизнь.

Еще помню, я на кухнѣ жила, а меня позвали за картошкой въ погребъ, что нужно скорѣе нарѣзать. Я бѣгу скорѣе туда, а она — откуда только взялась — ко мнѣ бѣжитъ въ погребъ и за дверь. «Мать Елена, только не закрой, ради Бога, мать Елена!» — прошу ее, а она смѣется, а сама все за дверь держится».

Или вдругъ стала ходить въ домикъ рядомъ съ монастыремъ, зачастила туда, все нѣтъ-нѣтъ — да зайдетъ. Видно, отъ чего-то ихъ избавляла. Всѣ уже знали: гдѣ должно что-то случиться, она начинала ходить туда, гдѣ плохо — тамъ всегда она.

Была она до самой смерти рясофорной послушницей — Матушка Игуменія Варвара ее въ рясофоръ покрывала. Сестры рассказывали, что когда она жила въ Геосиманскомъ скиту, взяла разъ клубукъ, разрѣзала намѣтку на полосы, заплѣла косой и такъ ходила.

Опытная въ вопросахъ духовной жизни, въ разумѣніи путей Промысла Божія въ жизни людей, она служила ближнимъ словомъ и дѣломъ, молитвами въ нуждахъ духовныхъ. Многихъ блаженная старца утѣшала, многимъ предсказывала будущее, многихъ вразумляла и обличала, давала совѣты. Такъ, схимонахинѣ Сергін она предсказала регентство — дала ей какъ-то ржавую вилку, держа ее вверхъ оставшимися двумя концами, какъ камертонъ, сказавъ при этомъ: «Бери, бери, тебѣ пригодится!» Очень скоро сестру ту перевели въ ограду со скотнаго двора и назначили регентомъ.

Той же сестрѣ какъ-то сказала: «Умрешь, тебѣ и «Святый Боже» не пропоютъ...» Разстроилась она и все думала, что же такое, что ей не будутъ «Святый Боже» пѣть? — Умерла она на Пасху и по Уставу все пасхальное пѣли при отпѣваніи.

Схи-игуменя Сергія
1943-1946 гг.

Игуменя Рафаила
1946-1955 гг.

Игуменя Ангелина
1955-1967 гг.

Игуменя Варвара
съ 1968 г.

О блаженной стариці схимонахини Сергія рассказы вала так: «Одинъ разъ иду я со скотнаго, а мать Елена увидѣла меня, подбѣжала, смѣется, дала мнѣ камешекъ и побѣжала дальше. Была она настоящая постница, бывало идетъ изъ Геосиманіи, говорю: «Мать Елена, покушать Хотите?» — А она: «Молчи, молчи, ничего мнѣ не надо!» Палець подставить къ губамъ и говоритъ: «Ничего не надо».

Мокрая, грязная всегда — скажешь ей: «Мать Елена, благословите постирать Вамъ!» — «Не надо, не надо, я такъ буду ходить». Она не имѣла ничего лишнего изъ одежды, было у нее только самое необходимое.

Придетъ къ намъ, начнетъ читать Евангеліе, невнятно — я тогда была послушницей, говорю ей: «Мать Елена, я не понимаю!» А она скажетъ: «Поймешь, потомъ поймешь!»

Мать Елена любила меня. Когда я еще на скотномъ жила, иду бывало въ ограду, часто меня она встрѣчала — подбѣжитъ ко мнѣ, засмѣется и что-нибудь дастъ».

Вотъ одинъ изъ случаевъ явной прозорливости блаженной старицы, рассказанный монахиней Іоасафой.

«Въ 1936 году я пришла въ монастырь, а въ 1937-омъ прѣхала ко мнѣ изъ Пскова мама и остановилась въ нашей гостиницѣ, за воротами. Жила я тогда на послушаніи въ гостиницѣ съ матерью Людмилой. Прошу мать Елену, чтобы она пришла: «Мать Елена, Васъ просятъ, хотятъ видѣть». Пришла мать Елена, низенько положила три поклона, всѣмъ поклонилась на всѣ стороны и говоритъ: «Я Псковская, у меня мать больная, въ источникѣ выкупается и поправится». И дѣйствительно все такъ и сбылось — мама моя страдала язвой желудка и не могла ничего ѣсть, думали, что умретъ. А выкупавшись въ источникѣ, она исцѣлилась, по слову блаженной Елены, и дожила до 1966 года.

Встрѣчаясь со мною, мать Елена часто говорила: «Іакова, Вассы, Кирилла» и всѣхъ моихъ родныхъ имена перечисляла. Много предсказывала она въ личной жизни и другимъ сестрамъ.

Мать Елена поддерживала сестеръ во время войны — увѣряла, предсказывала, что монастырь будетъ существовать».

Другая сестра, монахиня Димитрія, вспоминала: «Мать Елена была великая прозорливая старица. Имѣя даръ прозорливости, она видѣла человѣческую душу — обличала и тайные помыслы. Мы были счастливые. Однажды иду я со скотнаго, а она жила тогда въ домикѣ у калиточки, увидѣла меня, открыла окно и говоритъ: «Марія, не осуждай!» И правда, такъ и было: «Мать Елена, простите, помолитесь» — и сразу же станеть легче».

Достигнувъ высокихъ благодатныхъ даровъ, по смиренію своему она прикрывала ихъ завѣсой юрдовства, дѣлая ихъ непонятными для окружающихъ своимъ страннымъ поведеніемъ.

Многіе съ поступки смущали людей, иногда даже вызывали осужденіе. «Въ церковь придетъ, встанетъ и громко ругается. — вспоминаетъ схимонахиня Фотина. — Одинъ разъ пришла — такъ ругалась, а потомъ уходя еще и дверь хлопнула. Сестры сдѣлали ей замѣчаніе: «Мать Елена, почему ты ругалась такъ въ церкви?» — «Такъ развѣ вы не видѣли? Въздъ полная церковь бѣсовъ была, я ихъ все и выгоняла!» Вотъ какъ блаженная видѣла!

И пожаръ на скотномъ дворѣ она предсказала. Было это незадолго передъ войной. Часто ходила тогда она на скотный, придетъ и матери Авраміи, старшей, говоритъ: «Послушаніе и въ огнѣ не горитъ!» — Мать Аврамія почти 60 лѣтъ прожила на скотномъ и ни дня не оставалась безъ послушанія.

«За недѣлю до пожара, — вспоминаетъ схимонахиня Варсонофія. — я на скотный шла въ 3 часа утра, вижу — навстрѣчу мать Елена идетъ безъ обуви, въ однихъ шерстяныхъ промокшихъ чулкахъ. Спрашиваю: «Гдѣ, мать Елена, была?» — Отвѣчаетъ: «На войнѣ была». Прошло нѣсколько дней... Будить ночью звонъ колоколовъ: пожаръ на скотномъ».

Въ ту ночь была сильная гроза, и, какъ рассказывали потомъ эстонцы, прѣзжавшіе на соседній хуторъ, они

Освящение монастырских полей и огородов на Георгіевъ день, 23-го Апрелья 1992 г.

видѣли, какъ огненный шаръ упалъ на дворъ: молнія ударила въ крышу, огонь такъ и побѣжалъ. Дворъ былъ очень вѣтхій, его на тотъ годъ оставили, скрѣпивъ бревна крюками, но на будущій годъ надо было строить новый. Въ сараѣ стояли доверху скирды сѣна, потому крыша и не обвалилась. Всѣ телятки и всѣ скоть струдились вокругъ матери Аврааміи и не хотятъ идти, какъ она ихъ ни уговаривала, а вокругъ пылаетъ огонь. Тогда она говоритъ: «Пойдемъ, война!» И они всѣ побѣжали — всѣхъ коровъ мать Авраамія вывела. Потомъ вспомнила, что въ отсекѣ остался маленькій теленокъ. Закрывшись одѣяломъ, бросилась въ пылавшій дворъ и вывела теленка — только кончикъ хвостика у него обгорѣлъ, рассказывали потомъ сестры. И весь остовъ зданія сразу рухнулъ. Въ ту ночь вспомнили слова блаженной Елены, которые она говорила матери Аврааміи: «Послушаніе и въ огнѣ не горитъ!» и поняли, почему мать Елена ходила ночами вокругъ скотнаго — отводила бѣду, молилась, чтобы скоть не погибъ.

Въ томъ же году Игуменіей Іоанной были отстроены новый каменный скотный дворъ. Случился пожаръ въ ночь на праздникъ Смоленской иконы Божіей Матери и старья сестры до сихъ поръ говорятъ, что Божія Матерь Сама построила новый дворъ — вѣдь если бы старый

дворъ тогда не сгорѣлъ, не зялись бы сами его строить — скорѣй началась война. По объѣту, въ благодарную память того, что всѣ сестры остались живы и скоть не погибъ, 10-го Августа всегда совершается крестный ходъ вокругъ Успенскаго собора съ чтеніемъ молитвы иконѣ Божіей Матери «Неопалимая Купина». Выносятся изъ алтаря икона Смоленской Божіей Матери, которую подарилъ и надписалъ 12-го Февраля 1908 года дорогой нашъ Батюшка, св. праведный отецъ Іоаннъ Кронштадтскій: «Въ благословеніе на построение новаго собора въ Пюхтишскомъ Успенскомъ монастырѣ».

По рассказамъ сестеръ, передъ войной, когда мать Елена въ Геесиманскомъ скиту жила, она часто ходила въ сосѣднее село Яамы и всѣ крылечки въ домахъ тамъ вымѣтала.

Въ войну всю ту деревню выселили, а потомъ она сгорѣла — такъ блаженная предсказывала приближающуюся бѣду. Впоследствии и скитъ Геесиманскій закрыли и всѣ сестры пришли въ монастырь.

«Въ войну опасались, что молодыхъ будутъ увозить. За мной пріѣхала изъ деревни крестная. Передъ отъѣздомъ пошла я къ матери Еленѣ и сказала: «Вотъ, бѣду домой!» — Она вздохнула только и говоритъ: «Охъ, только вещи вездѣ-впередъ возить!» — И действительно,

очень скоро я возвратилась, нигдѣ себѣ мѣста не находила», — рассказывает схимонахиня Фотина.

«Когда эвакуировали насъ лѣтомъ 1944 года въ поселокъ Альба подѣ Таллинномъ, мать Елена вмѣстѣ со всѣми сестрами въѣзжала — ни слова отъ нее тогда никто не слышалъ, все молчала. Сестры просто удивлялись. Въ школь мы тамъ жили и на цѣлый день уходили работать къ владѣльцамъ хуторовъ — эстонцы нуждались въ работникахъ, а тогда какъ разъ убирали хлѣбъ: намъ въ Ильинскую пятницу сказали, чтобы мы эвакуировались.

Каждый день передъ Чудотворнымъ образомъ слушали молебны съ акаоистомъ Успенію Божіей Матери, а по воскресеньямъ и праздникамъ службы совершались нашимъ священникомъ о. Александромъ. Вставали въ 4 часа утра на полунощницу, въ 8 часовъ шли работать — убирали хлѣбъ, молотили. Съ пашни приходили въ 11 часовъ вечера.

Въ сентябрѣ картофель убирать эстонцамъ помогали — за это насъ кормили, давали каждой по мешку картофеля за день, и мы привозили на общую трапезу для старшихъ сестеръ. Потомъ уже глубокой осенью вернуться въ монастырь.

Все мать Елена тогда молчала — ни слова отъ нее никто не слышалъ.

Вскорѣ послѣ войны священнику нашему одному предсказала блаженная Елена, что онъ епископомъ будетъ*. Какъ назначили его благочиннымъ въ 1949 году, она говоритъ: «А что? Еще и Епископомъ будетъ!» И на слѣдующій годъ сталъ епископомъ. Она его всегда потомъ очень отъмѣчала: гдѣ встрѣтитъ бывало — проводить его. Пока онъ идетъ — и она за нимъ, идетъ и все ему что-то приговариваетъ».

«Поступки блаженной Елены трудно было понять, — рассказываетъ поступившая въ монастырь передъ вой-

ной монахиня Надежда. — Утромъ всѣ сестры въ храмъ на полунощницу чинно идутъ, а она вся вздохмаченная, вся мокрая, бѣжитъ откуда-то со скотнаго и при этомъ приговариваетъ что-то, ругаетъ кого-то. Обличала она нѣкоторыхъ сестеръ за неисправности въ монашеской жизни, отъ нее ничто не было сокрыто — нѣкоторымъ всю жизнь предсказала. Мирскихъ раньше мало было въ монастырь, поэтому мало кто къ ней и обращался, только сестры. Но и строгая она была: безъ дѣла, такъ просто не придешь къ ней. Когда нужда какая, тогда другое дѣло.

Какъ-то разъ увидѣла я, что старша ея, мать Асенефа, была въ церкви. Вотъ, думаю, пойду я къ ней, къ матери Еленѣ, и что она мнѣ скажетъ, — вродѣ бы какъ съ любопытствомъ пошла, съ такой мыслью, что пока матери Асенефы въ келии нѣтъ, она все что-нибудь мнѣ да скажетъ. Я прихожу, а она руки моетъ. Я говорю: «Матушка, благослови!» — «Благослови! Ну, что пришла?» — и начала говорить. Ну такъ много говорила, можно сказать, ничего не поймешь: оттуда отсюда все собрала. А потомъ и говоритъ: «Ну что, поняла, что я сказала?» Я говорю: «Да ужъ простите, Матушка, ничего я не поняла». — «Такъ и уходи за дверь!»

Обличала она нѣкоторыхъ сестеръ, слова ея были тогда прямые и рѣзкіе. У матери Асенефы, съ которой она жила, былъ огородъ свой, гдѣ капусту выращиваютъ — рассаду. Эту рассаду сажали потомъ въ огородъ и оставалось еще много — приходили изъ деревни, брали даже эстонцы, что оставалось. За это принесутъ ей рыбки вяленой, яичекъ принесутъ — она все это, конечно, брала, а мать Елена ее за это часто ругала, можно сказать, была прямо: что не надо брать, не бери, а такъ давай. Раньше было трудно жить — мы рады были и рыбкинъ, и яичку, денегъ у насъ ни у кого не было. Только свои копеечки зарабатываемъ — лѣтомъ въ лѣсу ягоды собирали и продавали — такъ сразу на эти деньги матеріаль купимъ (сами тогда на рысу матеріаль сестры покупали).

* Архіепископъ Таллинскій Романъ (Тангъ), †18-го Іюля 1963 г.

100 дѣт

100 дѣт

100 дѣт

Весна в Пнютицахъ, пробуждающаяся природа въ ожиданіи св. Пасхи. Главный соборъ.

Почти полвѣка прошло съ тѣхъ поръ. Однажды иду я со скотнаго и слышу крикъ съ кладбища, думаю: «Кто такъ страшно кричить?» Прихожу, а тамъ больная лежитъ на могилкѣ у матери Елены — лежитъ и кричить, сколько есть силы, и се рветъ. Наверное, тамъ мощи. Потомъ ушла она въ кусты, приходитъ другая на могилку и се тоже рветъ — и обѣ кричать что есть силы. Я поняла тогда, что мать Елена великая была».

Одна изъ старѣйшихъ насельницъ обители монахиня Наталья рассказываетъ такъ: «Когда я только въ монастырь поступила въ 1947 году, я на кухнѣ жила, а мать Елена съ матерью Асенефой въ домикъ у калиточки, и она часто приходила на кухню. Придетъ, раскроетъ всѣ двери, ходитъ и поетъ, тропари, стихиры поетъ — на память все знала. Однажды пришла къ намъ на кухню и говоритъ: «Дѣвочки, живите въ монастырь — не заводите подругъ. Кто подругу заведетъ въ монастырь, всѣхъ святыхъ забудетъ, только будетъ угождать своей подругѣ».

Это ся слова. «Пускай въ монастырь всѣ будутъ для тебя равны — всѣ равныя».

Еще помню, когда я тамъ жила, выйду на улицу бровку мыть или еще что дѣлать, и она ко мнѣ придетъ; пойду въ погребъ — и она туда же, снимаю камни съ бочекъ — и она за камень беретъ и все мнѣ помогаетъ.

Потомъ вскорѣ меня переводили на скотный дворъ помощницей полевщицы. Мать Елена тогда все по оградѣ ходила, бушевала: «Не надо эту дѣвочку полевщицей, не полевщица она, не полевщица!...» Но, конечно, никто се не послушалъ. Послали меня какъ деревенскую помощницей полевщицы. Когда я уже полевщицей была, зашла какъ-то разъ къ нимъ. Зашла, а она лежитъ на кровати, и мать Асенефа, тоже старенькая, на другой. Я говорю ей: «Мать Асенефа, благословите мнѣ бидончикъ, я вамъ молока принесу». Сестры тогда сами ходили за молокомъ на скотный. Смотрю — встала не мать Асенефа, а сама мать Елена, и несетъ мнѣ бидончикъ подь молоко. Я уже у порога стою

— она взяла мою руку и говорит: «Ох, как тяжело!» И еще раз повторила: «Ох, как тяжело!» А я стою и молчу, потому что мне было тяжело очень на скотном, я ничего не понимала по хозяйству и физически мне было тяжело — мы день и ночь работали. Полевница была очень строгая — она сильная была, сама с плугом ходила, а я уже с бороной или с конями. «Только не уходи из монастыря. Ты когда пришла в монастырь, думала: «Никогда не уйду, никуда!» Вот и не уходи никуда из монастыря».

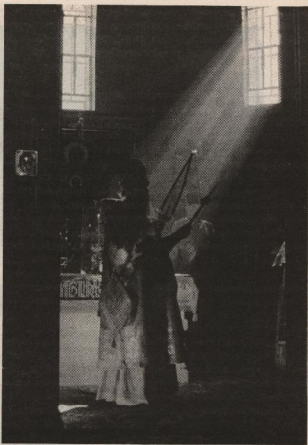
Монахиня Елена вспоминает, что в начале 1947 года поступив в число послушниц Пюхтишского монастыря, она сразу направлена была на послушание на скотный. Время было послѣвоенное, съ продуктами и съ одеждой было нелегко. Одѣвались тогда сестры сами — кто что имѣлъ, не было и для работы одежды. Рѣшила пойти послушница Ольга, какъ звали ее отъ святаго крещенія, вмѣстѣ съ такой же новоначальной сестрой Домной къ блаженной старицѣ Еленѣ за благословеніемъ ѣхать домой и привезти кое-что изъ одежды.

Мать Елена тогда была уже очень больна и лежала, съ ней находилась ея келейная старица монахиня Серафима (Димитріева), тоже старенькая, прибывшая изъ Костромы вмѣстѣ съ первой Игуменіей Варварой.

Когда послушница Ольга осмѣлилась спросить мать Елену, можно ли ей поѣхать домой, старица показала ей разсерженной и громко сказала: «Есть Матушка, есть Батюшка — они и благословляютъ! Зачѣмъ ко мнѣ пришла?» — и больше ничего не сказала. Тогда вступилась мать Серафима, сказавъ, что они совсѣмъ еще молоденькіе, только что пришли и ничего у нихъ нѣтъ, никакихъ вещей и одежды для работы, и ничего еще въ монастырь они не знаютъ. Тогда мать Елена немного смягчилась, но вновь отказала: «Есть Матушка, есть Батюшка, а я кто такая?» — такъ смиренна была блаженная старица. Когда уже мать Серафима стала вновь упрашивать ее и въ третій разъ спросила, можно ли имъ ѣхать, она совсѣмъ смягчилась и кротко, ласково сказала: «Пусть ѣдутъ съ Богомъ, пусть ѣдутъ». Какъ только она эти слова произнесла, у послушницы Ольги какъ камень съ души упалъ — такъ стало ей легко и хорошо. До этого же много было сомнѣній и смущеніе большое, какъ поступить. Но въ душѣ своей послушница Ольга еще раньше рѣшила: какъ блаженная скажетъ, такъ и сдѣлать, и если не благословитъ ѣхать, она и не поѣдетъ, хотя очень вещи для работы были нужны.

Когда послушница Ольга, благополучно съѣздивъ домой, возвратилась въ обитель, блаженной старицы Елены уже не было въ живыхъ — вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда она отошла ко Господу. Отпѣвали мать Елену просто, какъ послушницу, и похоронили на монастырскомъ кладбищѣ съ сѣверной стороны у Никольской церкви.

Такъ, 81-го года отъ роду, проживъ въ Святой обители около 60-ти лѣтъ и скончавъ свой тяжелый подвигъ, въ міру незримый, блаженная старица Елена перешла къ вѣчной

Святѣйшій Патриархъ Алексій совершаетъ пасхальную вечерню въ святой обители въ главномъ соборѣ.

жизни, оставивъ по себѣ свѣтлую память. Это было 10-го ноября 1947 года. Ея могилка благоговѣнно пощитаема многими и донинѣ. «Что вамъ надо, идите къ матери Еленѣ на могилку и просите — она все вамъ дастъ, — нерѣдко говорить обращающимся къ нему о. протоіерей Василій Боринъ изъ Васкъ-Нарвы, извѣстный далеко за предѣлами Эстоніи. — Мне когда что надо или ѣду куда — всегда иду къ матери Еленѣ и она во всемъ помогаетъ». Сестры не разъ слышали такіе слова. Видимо, въ этомъ знакъ особаго покровительства блаженной Елены надъ живущими въ селеніяхъ Сыренецъ (нынѣ Васкъ-Нарва) и Яамы, гдѣ много лѣтъ она жила поблизости, въ скиту Геесманія.

Передъ смертью мать Елена говорила сестрамъ: «Послѣ меня мать Екатерина остается», хотя матери Екатерины тогда въ монастырь не было, она въ войну, по благословенію Настоятеляницы, жила въ Таллиннѣ-Ныммѣ, гдѣ ухаживала за престарѣлыми родителями и вернулась послѣ войны, похоронивъ ихъ. Еще говорила: «А послѣ матери Екатерины никого не будетъ вамъ».

БЛАЖЕННАЯ ЕКАТЕРИНА

СОВРЕМЕННЫЙ МАТЕРИКОНЪ

БЛАЖЕННАЯ ЕКАТЕРИНА

ПОДВИЖНИЦА ПНОХТИЦКАГО МОНАСТЫРЯ

Память 22-го Апрѣля (или Воскресеніе Жень Муроносиць), †1968

Милость Божія проливается на недостойный русскій народъ по молитвамъ своихъ міру-непѣдомыхъ праведниковъ. Вотъ еще одна раба Божія, Екатерина Блаженная, просіяла какъ путеводная звѣзда надъ грѣшной современной Россіей. Почитаніе праведниковъ угодно Богу, ибо «Богъ во святыхъ почитается».

Изъ летописи монастырской приводится нами это дивное житіе нашей святой современницы.

*Блаженны тѣ русскіе, кто любитъ и ублажаетъ Божіихъ людей. Или Русь освѣщается!
Тутъ и земля Эстонская пробіащается святости, и украшаются благолюпытя долины Эстонскія
новыми небесными помощниками въ дѣль устроенія земнаго бытія.*

*«Когда міръ своею мудростію не позналъ Бога
въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу
юродствомъ проповѣди спасти வருющихъ».*

(1 Кор. 1:21)

1. ДѢТСТВО

ВОДИЛАСЬ Екатерина Васильевна Малковъ-Панина, въ 1889 г., 15-го Мая, въ Финляндіи въ крѣпости Свеаборгъ, гдѣ ее отецъ, Василій Васильевичъ Малковъ-Панинъ, служилъ военнымъ инженеромъ.

Отецъ былъ мягкаго характера. Въ семьѣ оны не имѣлъ голоса, и воспитаніе дѣтей полностью находилось въ рукахъ матери. Мать, Екатерина Константиновна, урожденная Печаткина, происходила изъ дворянской семьѣ. Она была женщиной съ сильнымъ, волевымъ характеромъ. Всѣхъ дѣтей въ семьѣ было шестеро, четыре мальчика и двѣ дѣвочки: старшій братъ Георгій, двое близнецовъ — Константинъ и Михайлъ, Катя и двое младшихъ — сестра Наташа и братъ Василій. Всѣ дѣти были очень дружны.

Катя очень любила отца и оны ее. Между ними была особая дружба. Изъ всѣхъ дѣтей одна Катя сопровождала отца во время его командировокъ во Владивостокъ, за границу, и не разставалась съ нимъ во время Отечественной войны. Можно предположить, что отецъ былъ глубоко религіознымъ человекомъ, иначе между нимъ и дочерью не могло бы быть такого взаимопониманія.

Съ матерью у Кати внутренней близости не было. Мать не сочувствовала религіознымъ устремленіямъ дочери и послѣдняя много терпѣла за свое увлеченіе монастыремъ. Вблизи ихъ усадьбы былъ монастырь, куда семья ѣздила въ церковь. Видимо, здѣсь впервые и возникла любовь Кати къ монастырю, но родные, особенно мать, удерживали ее отъ чрезмѣрнаго стремленія къ Богу.

Въ раннемъ дѣтствѣ у Кати проявились добрые качества сердца: доброта, жалость и сострадательность къ людямъ. Дочь старалась смягчать суровое отношеніе матери къ окружающимъ, особенно къ служащимъ въ домѣ. Такъ, напримѣръ, домашняя портниха не смѣла обращаться прямо къ хозяйкѣ, чтобы попросить нитокъ. Она обращалась за посредничествомъ къ Катѣ, которая вполдѣтствіи терпѣливо выдерживала упреки матери.

Вообще мать готовила обѣихъ дочерей къ свѣтской жизни, тѣмъ болѣе, что обѣ дочери были очень красивы. Въ этомъ сказывалась внутренняя разобщенность матери съ дочерью, спониманіе ея желаній и устремленій. Такъ, Катя не могла приглашать къ себѣ и бывать съ тѣми, кто ей нравился. А нравился ей, большей частью, дѣвушки скромныя. Мать же приглашала свѣтскихъ дѣвушекъ, по содержанію своему совсѣмъ не подходящихъ Катѣ.

Дубъ, возле котораго была обрѣтена икона Успенія Божіей Матери.

Крестный ходъ направляется къ живоносному источнику.

Дѣтство Кати было не совсѣмъ веселое. Мать долгіе годы хворала, поэтому дѣти вынужденно росли на чужихъ рукахъ. А когда мать поправилась, жили они очень замкнуто. Дѣвчонскъ держали «подъ стеклянными колпакомъ», что въ послѣдствіи, при столкновеніи съ жизнью, заставляло Катю особенно болѣзненно реагировать на многіе событія. Только двѣ молоденькія двоюродныя сестры прѣѣзжали къ нимъ изъ Петербурга, и то на короткое время.

Въ 1900 году семья перѣѣхала въ Гатчину (до этого послѣдніе десять лѣтъ жили въ Гельсингфорсѣ — нынѣ Хельсинки). Въ Гатчинѣ Катя ходила въ гимназію, а братья — въ реальное училище. Передъ самымъ окончаніемъ Катей гимназіи, а братьями реального училища, ихъ постигло большое семейное горе: умеръ отъ менингита одинъ изъ близнецовъ — Михаилъ. Готовились къ тройному торжеству, но Богъ судилъ иначе. Катя съ оставшимся близнецомъ очень тосковала по умершему брату.

Послѣ полученія старшими дѣтьми средняго образованія семья перѣѣхала въ Петербургъ, гдѣ Катя поступила на естественный факультетъ Бестужевскихъ курсовъ. По окончаніи курсовъ въ 1912-1913 году работала въ Энтомологическомъ Обществѣ. Предмѣтомъ ея спеціального изученія были жуки. Катя серьезно этимъ увлеклась и даже, когда ѣздила съ отцомъ во Владивостокъ, нашла тамъ два вида новыхъ жуковъ, которые въ настоящее время находятся въ Зоологическомъ музеѣ, но не подъ ея фамиліей.

2. СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ

Пошелъ 1914 годъ. Катя поступила на курсы сестеръ милосердія и одновременно стала работать въ бесплатныхъ городскихъ больницахъ, причемъ часто давала свой адресъ ворамямъ и женщинамъ сомнительного пове-

денія, уговаривая ихъ: «Если вамъ трудно, придите лучше къ намъ».

По окончаніи курсовъ Катя поступила въ Кауфманскую общину Краснаго Креста въ Петербургѣ. Это была тыловая госпиталь. Работа въ такомъ госпиталѣ Катю не удовлетворяла. Часто работы вообще не было, а когда и была и Катя отъ чистого сердца, желая помочь раненымъ, оставалась при нихъ, ее упрекали въ стремленіи выдвинуться, и она терпѣла много мѣлкихъ укоровъ самолюбію. Ей же хотѣлось подвига, хотѣлось служить человечеству, отдавая всѣ свои силы и знанія, что проходить красной нитью черезъ всю ея юность. Поэтому изъ тыловаго госпиталя она переехала въ летучій отрядъ Георгіевской общины сестеръ милосердія, гдѣ раненыхъ подбирали съ поля сраженія со страшными ранами. При первой перевязкѣ, на которой она присутствовала, съ ней четыре раза были обмороки, но она пересилила себя и осталась работать въ этомъ отрядѣ. Здѣсь Катя приходилось бывать свидѣтельницей тяжелыхъ людскихъ страданій.

Однажды ихъ отрядъ подобралъ на открытую площадку вагона до 50-ти человекъ съ развороченными ранами, но пока раненыхъ везли, члены отряда никакой помощи оказать не могли, такъ какъ ни морфія, ни бинтовъ имъ не хватало. Въ другой разъ Катя видѣла, какъ въ сожженной деревнѣ солдатъ буквально выль, не найдя своихъ на родномъ пепелищѣ... Какъ-то рѣшили навѣстить сосѣдній отрядъ. Пришли, а тамъ служить панихиду: съ самолета въ отрядъ были сброшены бомбы, и сестру и врача убило....

Такимъ переживаніямъ не было конца.

3. ЛИЧНЫЯ И СЕМЕЙНЫЯ СКОРБИ

Къ этому же времени относится и личное горе Кати: вынужденный отказъ жениху, начальнику летучаго поле-

Под небесными сводами косы трудятся съ пшенищѣмъ на устѣхъ. Лѣтняя страда въ Пюхтискомъ монастырѣ.

ваго госпиталя, Борису Николаевичу (фамилія неизвѣстна). До тѣхъ поръ увлеченій, обычныхъ для молодыхъ дѣвушекъ ея возраста, у Кати совсѣмъ не было. Въ этомъ отношеніи обѣ сестры были дикарками. Лишь въ 1915-1917 годахъ ей встрѣтился подходящий по уму и сердцу человѣкъ, но близкая подруга Кати, Ольга Палеологъ, какъ оказалось, любила того же человѣка. Она пригрозила Катѣ, что если Катя выйдетъ за него замужъ, то та сойдетъ съ ума или покончитъ съ собой. Тогда Катя отказала жениху.

23-го Іюня 1917 года былъ убитъ ея братъ — второй близнецъ Константинъ, который пошелъ на фронтъ добровольцемъ и за личную храбрость заслужилъ золотое оружіе и солдатскій Георгіевскій крестъ.

Въ 1918 году она потеряла любимую сестру Наташу, съ которой у нее была духовная близость. Въ 1918 году, 19-ти лѣтъ, Наташа ушла изъ дома въ христіанскую общину, которыхъ тогда было много. Она оказалась въ общинѣ Александра Введенскаго, подя названіемъ «живая церковь». Врядъ ли этому могла сочувствовать Катя. Въ сентябрѣ 1918 года Наташа заболѣла крупознымъ воспаленіемъ легкихъ и умерла 20-ти лѣтъ отъ роду. Ея смерть была ударомъ для Кати.

Распадъ фронта, личные и семейные переживания сломили ее, и она тяжело заболѣла, а когда поправилась

— не осталась съ родителями, а пошла работать простой работницей въ бывшее имѣніе Великаго Князя Николая Николаевича — село Беззаботное подь Петербургомъ. Тамъ она столкнулась съ темными сторонами жизни и всѣми ея ужасами. Но они не сломили ея духа. Помогли нравственная чистота и вѣра.

Въ 1919 году Катя съ родителями попала въ Эстонию. Въ то время отецъ ея служилъ въ Красной Арміи, и они свободно уѣхали въ Таллинъ. Тамъ Катя много болѣла: ухаживая за сыпнотифозными, она заболѣла сама. Въ 1920 году, поправившись, пошла работать на огородахъ въ Нарвѣ. Ей хотѣлось имѣть собственную копейку, чтобы тратить на помощь бѣднымъ. Тутъ у нее созрѣло давнишнее желаніе уйти въ монастырь.

Личной жизни, въ смыслѣ семьи, у Кати никогда не было, но она не переставала всегда сильно тосковать по ушедшимъ. Особенно любила вспоминать о братѣ Константинѣ и сестрѣ Наташѣ.

Катя любила музыку. У нее былъ прекрасный голосъ и слухъ. Она могла голосомъ передавать оркестровыя мелодіи и даже подражать шуму лѣса. Она играла на піанино и пѣла самоучкой очень хорошо. Нарядовъ она не любила и часто говорила матери: «Раздай все — тогда я буду счастлива».

Катя была очень строга къ себѣ. У нее была маленькая слабость: видя что-нибудь вкусное, она не могла удержаться, чтобы не полакомиться. За это она посадила себя на хлѣбъ и воду на нѣсколько лѣтъ. Она была очень умна и наблюдательна. Эти ея качества, все пережитое, а главное ея горячая любовь къ Богу и къ человѣку сдѣлали ее прозорливой. Вотъ нѣсколько примѣровъ прозорливости Екатерины при ея жизни въ міру.

Когда старшаго брата Георгія арестовали и онъ попалъ въ тюрьму, Катя написала письмо женѣ брата, Татьянѣ Константиновнѣ, утѣшая ее увѣренностью въ его возвращеніи, и это исполнилось.

Однажды ея близкіе родственники собирались поѣхать на машинѣ; она отговаривала, предупреждая бѣду, и на самомъ дѣлѣ машина потеряла катастрофу.

Пришла къ нимъ какъ-то въ домъ веселая жизнерадостная женщина. Катя вышла изъ своей комнаты и поклонилась ей въ ноги. Всѣ удивились, а женщина спросила: «Почему Вы мнѣ кланяетесь?» — «Я кланяюсь не Вамъ, а Вашимъ страданіямъ» — отвѣтила Катя. Впоследствии оказалось, дѣйствительно, эта женщина много страдала.

4. ПОСЛУШНИЦА ВЪ ГЕОСИМАНСКОМЪ СКИТУ

5-го Іюля 1922 года Екатерина была принята въ число послушницъ Пюхтицкаго монастыря и стала трудиться вмѣстѣ съ сестрами на монастырскихъ поляхъ и огородахъ. Вскорѣ ее перевели въ Геосиманскій скитъ, находившійся въ 30 км отъ монастыря, въ большомъ сосновомъ лѣсу. Тамъ стояло три дома. Въ одномъ изъ нихъ была церковь Покровенію Божіей Матери, а служба Покровенія совершалась 17-го Августа, когда приносили чудотворную икону изъ Пюхтицы. Въ течение года служба въ скиту бывала рѣдко, только разъ въ мѣсяцъ пріѣзжалъ монастырскій священникъ, служилъ литургію и причащалъ сестеръ. Но зато въ престольный праздникъ въ скитъ стекалась масса богомольцевъ, пріѣзжала духовенство, Матушка Игуменія, сестры, пѣвцы; иногда чинъ Покровенія возглавлялъ правящій архіерей.

Въ скиту жили 8-9, иногда и до 18-ти сестеръ — монахинь и послушницъ. Старшей была мать Параскева, добрая, кроткая, мудрая старца. Жизнь скитницы была отшельнической, отличалась большою суровостью и тяжелымъ трудомъ. Они имѣли свое подсобное хозяйство, въ основномъ огородахъ. Было и нѣсколько коровъ, для которыхъ заготавливали на зиму сѣно. Однимъ словомъ, питались сестры-скитянки отъ трудовъ своихъ рукъ.

Катю мать Параскева полюбила, несмотря на то, что доставляла много беспокойства и причиняла огорчения, оградивъ себя свободой поведенія. Катя работала на огородахъ — зотъ трудъ былъ знакомъ ей хорошо. А вотъ косить траву отказывалась, говоря старшей: «Мать Параскева, косить я не умѣю, а буду вносить траву изъ болота и сушить».

Съ первыхъ дней своей жизни въ монастырѣ Катя стала вести себя необычно, странно, по временамъ юродствовала, но не совсемъ еще явно.

Живя въ Геосиманіи, Екатерина часто приходила въ монастырь, иногда по дѣлу скита, иногда только по своему желанію. Появлялась она обычно босая; въ монастырѣ ей давали сапоги, но она ихъ сдѣла-либо по дорогѣ оставляла и въ скитъ возвращалась разутой.

Какъ-то по заказу матери Параскевы сапожникъ пошилъ всѣмъ скитянкамъ добротные кожаные сапоги. Вскорѣ въ скитъ пришла по какому-то дѣлу женщина изъ деревни Яма. Когда она стала уходить, мать Параскева замѣтила у нее подмышкой сапоги и закричала вдогонку: «Марія Петровна, зачѣмъ ты взяла у насъ сапоги!» — «Такъ это жъ Катя мнѣ подарила», — отвѣтила та. Екатерина нашла, что эта женщина нуждается въ сапогахъ больше, чѣмъ она.

Съ тѣхъ поръ и всю жизнь мать Екатерина не носила кожаной обуви и вообще ничего кожаного. Ходила она или босая, или въ чулкахъ, чаще всего въ тапкахъ, сшитыхъ изъ сукна. Зимой иногда надѣвала валенки, но безъ галочъ и не обшитые кожей. Однажды въ суровую погоду она шла въ тапкахъ по двору монастыря. Одна сестра, увидѣвъ ее въ такомъ видѣ и жалчившись надъ ней, предложила: «Мать Екатерина, можно, я Вамъ валенки дамъ?» Та остановилась, посмотрѣла на нее пристально. «Ну что жъ, можно», — сказала, подумавъ, и отойдя немного, обернулась и спросила. — «А они не обшиты кожей?» — «Задники обшиты». — «Не возьму!» — «Почему, мать Екатерина?» — «Потому что надо подставлять свою кожу, а не чужую», — сказала она.

5. ВЪ ПОИСКАХЪ СТАРАГО СТИЛЯ

Часто Катя исчезала изъ дому и иногда подолгу не возвращалась. Ограничить ея дѣйствій никто не могъ. Когда однажды она направилась въ обитель изъ скита, одна послушница стала проситься пойти съ ней, но Екатерина велѣла ей спросить благословенія у старшей.

— А вѣдь ты не спрашивашь, когда уходишь?
— Мнѣ можно, а тебѣ нельзя, — спокойно отвѣтила Катя.

Придя однажды въ монастырь, сестра Екатерина зашла къ одной монахинѣ въ келью и спросила: «Одна живешь? Ну, такъ и я буду съ тобой жить». И осталась у нее жить семь дней; за это время ничего не ѣла и не пила, а когда уходила, то сказала: «А все же Господь меня не посрамилъ...»

Какъ-то Катя пошла за грибами и нѣсколько дней не возвращалась, чѣмъ доставила беспокойство всѣмъ сестрамъ. Въ другой разъ она ушла, взявъ съ собой одѣяло, топоръ, ножъ, котелокъ, кружку, и сказала, что пойдетъ на Красную гору слушать, какъ поютъ соловьи. Нѣтъ Екатерины день, другой; сестры, особенно старшая, волнуются. Прошла недѣля — ее все нѣтъ. Мать Параскева послала двухъ сестеръ на поиски. Куда идти? Лѣсъ большой.... Но вотъ они вспомнили: Катя говорила,

Пюхтицкй Святый источникъ при Богородицкй горѣ.

Земля войны Небеснаго Царя — крестный ходъ монахинь.

что поидеть на Красную горку (такъ называлось одно возвышенное мѣсто въ лѣсу, въ трехъ километрахъ отъ деревни Яама). Туда они и направились. По пути имъ встрѣтились пастухи со стадомъ яамскихъ коровъ.

«Не видали ли вы Катю?» — «Какъ не видать! Она нѣсколько разъ приходила къ намъ и просила хлѣба». И указали имъ въ направленіи Красной горки. Обрадованная сестры пошли смелѣе и увѣреннѣе. Приходятъ на Красную горку — Катя тамъ. Увидѣвъ ихъ, обрадовалась.... «Какъ хорошо, что вы пришли, поможете донести до дому мои вещи, а то мнѣ не подь силу». И увидѣли они между деревьевъ шалашъ, устроенный изъ ветокъ, въ который можно было только вползти; внутри него постель изъ травы, много набранныхъ грибовъ и нѣсколько сплетенныхъ корзинокъ.

Къ сожалѣнію, не только Катини вещи надо было нести, но и ее саму вести подь руки, потому что она очень ослабла за эти дни поста и уединеннаго подвига.

Были съ ней случаи и посерьезнѣе. Исчезла она опять, сказала только: «Пойду искать старый стиль». Въ то время Церковь въ Эстоніи перешла на новый стиль. А было это еще до присоединенія Эстоніи къ Советскому Союзу, и между ними лежала государственная граница. Вотъ такъ она ушла и въ поискахъ пропавшаго старого стиля пропала шесть недѣль. Вдругъ ее неожиданно доставили въ монастырскій скитъ военные изъ пограничной зоны, какъ преступницу, такъ какъ она умудрилась перейти границу и была задержана уже на советской территоріи. Они потребовали уплатить штрафъ въ суммѣ двѣ тысячи рублей. Въ противномъ случаѣ Екатеринѣ грозила тюрьма. Мать Параскева не имѣла такихъ денегъ и написала Катинымъ роднымъ, прося выслать нужную сумму. Деньги выслать ее старшій братъ Георгій.

Вслѣдствіе мать Екатерина смѣясь рассказывала, что на границѣ у нее были сделаны обыскъ и въ карманѣ обнаружены оздравныя и заупокойная записки; ихъ у нее забрала и подвергла тщательной проверкѣ, опасаясь, что это были шифрованные записи. Пока шло слѣдствіе,

мать Екатерину держали въ заключеніи. За этотъ поступокъ путешественница просила прощенія у матери Параскевы и у сѣстеръ. На вопросъ, почему Катя ушла безъ благословенія, она отвѣтила: «Я не хотѣла согрѣшить дважды. Вы меня не благословили бы, а я бы все равно ушла».

Родители Кати часто прѣзжали въ Пюхтицы. Въ началѣ Отечественнаго войны Геосиманскій скитъ былъ ликвидированъ. Всѣ скитянки вернулись въ монастырь, а мать Екатерина въ 1942 году была отпущена домой ухаживать за больными престарѣлыми родителями, которые жили въ Таллиннѣ-Нымбѣ. Въ томъ же году она похоронила мать и осталась жить со своимъ отцомъ, котораго горячо любила. Въ Таллиннѣ мать Екатерина посылала подворье Пюхтицкаго монастыря и предсказала (почти за 20 лѣтъ) его закрытіе.

6. ПРЕЕМНИЦА БЛАЖЕННОЙ ЕЛЕНЫ

Въ 1948 году мать Екатерина похоронила своего отца и снова вернулась въ монастырь. Въ томъ же году скончалась Пюхтицкая блаженная старица Елена. Мать Екатерина стала ее пріемницей, взявъ на себя самыя тяжелыя подвиги, начала открыто юродствовать.

Любила она трудиться, ходила на послушанія, но все у нее получалось необычно. Кончается у сестеръ трудовой день на огородѣ или въ полѣ, они идуть къ пруду, чтобы помыть ноги, а Катя одѣтая войдетъ въ воду, выполошется и, не отжимая одежды, отправится въ монастырь, поливая за собой дорогу.

Уже на первыхъ порахъ своего открытаго подвига мать Екатерина тяжело поплатилась за взятое на себя юродство. Въ январѣ 1951 г. она даже попала въ психіатрическую больницу г. Таллинна. Тамъ ей много пришлось пострадать отъ буйныхъ больныхъ; кромѣ того мать Екатерина постоянно навлекала на себя бѣды попытками убѣжать изъ больницы. Проведя обследованіе и не найдя у нее никакого психическаго разстройства, врачи признали, что она здорова, и отпустили домой.

Вернувшись в родной монастырь, мать Екатерина стала жить в богадельнѣ, по-прежнему юродствуя. Постоянно собранная, серьезная, часто строгая — она имѣла видъ бодрствующаго воина. Ея сухонькая, маленькая, легкая фигурка куда-то все стремилась. Походка была быстрая, ровная, она точно летала. Ея замѣчательные большие сѣрые глаза — иногда подѣтски чистые, спокойные, ласковые, улыбающіеся, иногда серьезные, строгіе, въ другое время — грустные, озабоченные, а иногда и гнѣвные — эти глаза проникали въ самую глубину человѣческихъ душъ и читали тамъ, какъ бы лѣтопись прошлаго, настоящаго и будущаго. Между прочимъ, смотрѣть ей прямо въ глаза мать Екатерина строго запрещала.

Одѣвалась она своеобразно: лѣтомъ ходила въ черномъ хитонѣ, въ бѣломъ апостольникѣ, поверхъ котораго надѣвала черную шапочку или платокъ черный. Зимой на хитонъ надѣвала какую-либо кашаечку легкую, иногда подпоясывалась бѣлымъ платкомъ. Теплой одежды (пальто и платковъ) не носила.

Питаніемъ довольствовалась съ трапезы. Сахару не употребляла никогда, обычно пила кипятокъ безъ заварки или воду изъ источника. Иногда налагла на себя особыя посты, объявляя это тѣмъ, что собирается умирать, и обычно это было къ смерти какой-либо изъ сестеръ. Если же говорила, что постится, потому что готовится къ постригу въ мантію, — это значило, что долженъ состоять чей-то постригъ.

Къ причащенію Святыхъ Таинъ приступала часто, иногда подходила безъ исповѣди, въ такихъ случаяхъ священникъ ее не пріобщалъ; она, точно бы причастившись, благоговѣйно, низенько кланяясь передъ Чашей и со сложенными на груди руками шла принимать запивку.

Нервѣно можно было наблюдать, какъ во время богослуженія въ храмѣ маленькая худенькая человѣческая фигурка неслышными шагами, точно по воздуху, передвигалась между рядами молящихся: постоянно около одной сестры, направится къ другой. Ея такіе дѣйствія не вызывали неудовольствія, наоборотъ, хотѣлось, чтобы она подошла и постояла около тебя. Души предстоящихъ въ храмѣ ей были открыты, и она подходила къ тому, кто въ этомъ нуждался.

«Однажды я пришла въ храмъ съ большимъ горемъ на сердцѣ, — вспоминаетъ сестра Л. — Во время Богослуженія душа разрывалась отъ скорби, и слезы лились рекой. «Иже Херувимы...» — полились ижеиме, умиротворяющие звуки Херувимской пѣсни. Слышу позади себя легкие шаги, потомъ близко — учащенное дыханіе. Поворачиваю голову — мать Екатерина.... Она молилась вмѣстѣ со мной, сопереживала мнѣ.... Подъ сводами храма замораютъ звуки: «Нынѣ житейское отложимъ попеченіе...» И нѣтъ на сердцѣ чувства безысходности, оно смѣняется радостнотворнымъ плачемъ въ надеждѣ на милость Божію и умиротворяетъ скорбящую душу».

Эта же сестра Л. рассказывала, что при встрѣчѣ съ матерью Екатериной у нее почти всегда появлялись сле-

зы покаянія. Тогда старица строго говорила ей: «Передъ иконами надо плакать!»

Мать Екатерина пребывала въ постоянномъ бодрствованіи, на малое время она погружалась въ легкой сонъ, часто и среди ночи можно было встрѣтить ее на территории монастыря, озабоченно ходящую по двору или иногда зимой сѣдующую снѣгу съ паперти собора. Насельницы спали, а старица, какъ воинъ, бодрствовала.

Монахиня Ф., поступившая въ монастырь въ 1934 году, рассказываетъ, что блаженная старица много юродствовала: «Въ большой морозъ, бывало, бѣжить по снѣгу въ однихъ чулкахъ, смотрѣть больно! Однажды не выдержала, говорю: «Мать Екатерина, ну что ты босикомъ!» — а она какъ набросится на меня: «Ты что меня жалѣешь?!»

«Одинъ разъ весь постъ она лишь святую воду да частицы просфоръ вкушала, — рассказываетъ монахиня Г. — а въ Страстную Пятницу при всемъ народѣ яничко выпала. Кто жь послѣ этого поворитъ, что она постилась! Такъ она и дѣлала, чтобы не замѣчались подвиги и просто глупой считали. Мать Екатерина вообще мало кушала — придетъ къ намъ на подворье въ Таллиннѣ, возьметъ тарелочку отъ кошечки, у насъ тамъ кошечка была, и все съестъ. Такъ себя унижала и мучила. Не было такого, чтобы она пришла и съ сестрами пообѣдала — въ мусорномъ ведрѣ собираваетъ или отъ кошечки съестъ. И въ богадельнѣ, гдѣ въ послѣднее время жила, никогда съ сестрами тоже не кушала».

«Когда я замѣчала стариную въ богадельнѣ м. Капитолину, часто видѣла, какъ мать Екатерина уходила ночью молиться въ полѣ, — вспоминаетъ одна изъ старѣйшихъ насельницъ обители монахиня Н. — придетъ подъ утро вся мокрая. Почти никогда по ночамъ не спала, молилась. Или встанетъ ночью въ 12 часовъ, помолится въ углу, а потомъ къ каждой кроваткѣ подойдетъ и поетъ: «Се Женихъ грядетъ въ полночи» — тихонечко такъ поетъ, вполголоса».

Одинъ разъ монастырскій сторожъ послушница А. рассказала, что видѣла, какъ пришла ночью мать Екатерина къ крайнему сѣрму домику, постелила одеяло на снѣгъ — было это въ январѣ — и встала на молитву. Всю ночь такъ молилась. Собака Дружокъ, что охраняла ночью, подбѣжитъ къ ней, залаетъ, но близко не подходитъ.

7. СТАРИЦА — УТѢШИТЕЛЬНИЦА

Народъ шель къ ней нескончаемымъ потокомъ. Многіе прѣзжали въ обитель специально, чтобы повидаться съ матерью Екатериной. Съ каждымъ годомъ число притекающихъ къ ней возрастало. На имя Настоятельница монастыря поступало много писемъ съ вопросами къ матери Екатерины, съ просьбой помолиться.

Съ приходящими къ ней она вела себя по-разному: съ однимъ говорила вносказательно, а кое съ кѣмъ и просто; съ нѣкоторыми подолгу бесѣдовала, а другихъ

сразу же съ гибломъ выпроваживала. Души людей были видны ей, какъ въ зеркалѣ.

Нѣкоторымъ посѣтителямъ мать Екатерина читала изъ Отчеческихъ книгъ, другимъ изъ Библии, а кому по памяти пересказывала отдѣльные событія изъ жизни Господа нашего Иисуса Христа, исцѣленія Имъ больныхъ, слѣпыхъ и другія. Приносимое ей почитателями тутъ же раздавала. Денегъ у себя не держала ни копейки. Правда, раздавала съ большимъ рассуужденіемъ. Изъ продуктовъ кое-что съдала, говоря: «Это я должна сама съѣсть». Что раздавала, а что заставляла выбрасывать или даже закапывать въ землю. Всѣ ея дѣйствія и слова, казавшіяся странными, непонятными, впоследствии раскрывались въ глубокомъ смыслѣ.

Какъ ручейки съ горъ устремляются въ рѣку, такъ горе и скорби людскія непрерывнымъ потокомъ текли къ матери Екатерины. Она любила людей, жалѣла ихъ. И любовь эта была бескорыстная, жертвенная. Какъ тяжело, при такой большой любви и жалости къ людямъ, видѣть и знать всѣ ихъ пороки и душевные страданія!

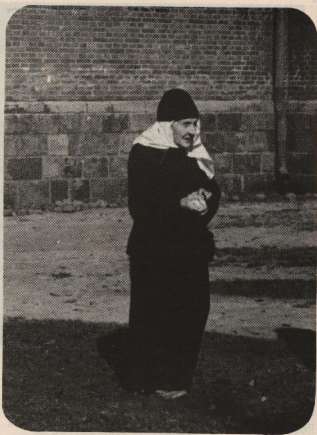
Одинаково любила мать Екатерина какъ своихъ почитателей, такъ и недоброжелателей, тѣхъ, кто къ ней плохо относился и плохо о ней думалъ. Одна еще не старая монахиня умирала въ больницѣ отъ гнойнаго аппендицита. Надежды на жизнь врачи не давали. Больная просила Матушку Игуменію прѣхать къ ней, чтобы попроситься и получить послѣднее благословеніе.

Мать Екатерина возбужденная бѣгала по двору монастыря и то и дѣло прибѣгала въ гостиницу (мѣсто послушанія больной), буквально приказывая: «Моли-тесь! Молитесь! М. Н. умираетъ! Она не готова! Моли-тесь!...» — Молились усердно. Надо полагать, мать Екатерина особенно молилась за свою недоброжелательницу. И та осталась жить.

Далеко не всѣ питали къ матери Екатерины расположеніе. Свѣтъ рѣзалъ глаза. Прятались отъ обличенія. Многіе ее не навѣщали. Поистинѣ, нѣтъ пророку чести въ своемъ отечествѣ.

Время за полночь. Сестра Н. проснулась и замѣтила, что изъ келіи старицы проникаетъ свѣтъ. Она направилась туда и увидѣла молящуюся мать Екатерину при большой зажженной свѣчѣ. «Что Вы такъ поздно не спите?» — «М. Ф. тяжело болѣетъ, надо молиться о ней». — И М. Ф. поправилась.

«Я только что поступила въ монастырь, — вспоминаетъ сестра С., — мнѣ благословили жить въ богадѣльнѣ, ходить на обіе послушанія и помогать по дому сестрѣ, обслуживающей старицъ. Мать Екатерину я тогда совсѣмъ еще не знала и ничего о ней не слыхала. У меня на душѣ было большое переживание, хотѣлось быть одной и плакать. Но куда бы я ни старалась уединиться — она тутъ какъ тутъ около меня. Сначала я не обращала вниманія на ея постоянно льющуюся речь какъ бы про себя, только всячески старалась спрятаться отъ нее, но не могла. Потомъ я невольно обратила вниманіе на то, что она говорила, ибо услышала въ ея словахъ напоминаніе

Блаженная Мать Екатерина.

моей прошлой жизни. Я поняла, что она знаетъ все: и прошлое, и настоящее мое переживание, принимаетъ во мнѣ участіе и сопереживаетъ мнѣ. С тѣхъ поръ я прониклась къ ней благодарностью и уваженіемъ.

8. ИСЦѢЛЕНІЯ ПО МОЛИТВАМЪ СТАРИЦЫ

Сестра М. съ тяжелымъ заболѣваніемъ попала въ больницу на длительный срокъ. Тамъ она во снѣ увидѣла мать Екатерину, которая пришла къ ней въ больницу, благословила ее крестомъ и сказала: «Я знаю, что тебѣ тяжело». Сестра М. проснулась и ощутила въ душѣ благогоудатный миръ. По истеченіи срока леченія въ благополучномъ состояніи здоровья сестра М. вернулась домой. Спустя нѣкоторое время сестра Г. рассказывала ей: «Пришла я однажды къ матери Екатерины, а она вдругъ такъ строго и требовательно стала мнѣ говорить: «Молись за М., ей тяжело въ больницѣ. Ты должна за нее молиться!»

Между прочимъ, мать Екатерина не благословляла обращаясь къ врачамъ.

Рассказываетъ Марія изъ Кронштадта: «У меня болѣла нога, на ней были струпья, сыпь, нарывы — вродѣ

Мать Вѣроника со своимъ питомцемъ.

Въ парникѣ монахини выращиваютъ огурцы.

экземы. Я поѣхала къ матери Екатериинѣ. Она велѣла снять чулки, посмотрѣла ногу и сказала: «Богъ дастъ и пройдетъ!» Сняла съ головы платокъ и повязала имъ мою ногу. Когда я приѣхала домой, ноги стали чистыми.

У мужа моего долго болѣло горло. Лечили его въ Крошштадтѣ, потомъ врачи направили въ Ленинградъ въ Институтъ уха, горла и носа, но и тамъ не помогли ему. Поѣхала я въ Пюхтицы. Вхожу къ м. Екатериинѣ, еще не успѣла ничего сказать, а она спрашиваетъ: «Какъ твой Иванъ тамъ, болѣетъ?» — «Горло у него болитъ». — отвѣчаю. «Онъ ходитъ лечиться токомъ?» — «Да», — говорю. Тогда м. Екатерина послала къ о. Петру, чтобы онъ отслужилъ молебень. Возвращаюсь домой и говорю: «Мать Екатерина не разрѣшила тебѣ лечиться токомъ», а онъ отвѣчаетъ: «А у меня ничего не болитъ, все прошло уже!» А болѣлъ онъ долго, даже впалъ въ уныніе. И вотъ, по молитвѣ м. Екатерины, получили исцѣленіе».

Одна женщина была очень предана м. Екатериинѣ, очень ей вѣрила, но жила далеко и рѣдко удавалось ей приѣзжать въ Пюхтицы. Однажды сынъ ея упалъ съ пятого этажа. Мальчикъ еще дышалъ, но больно было смотрѣть на него. Ушибы такіе были сильные, что врачи сказали, врядъ ли ребенокъ выживетъ. Убитая горемъ мать стала кричать: «Мать Екатерина, помоги! Помоги, мать Екатерина!» — и мальчикъ не умеръ, а черезъ мѣсяцъ поправился совершенно, такъ что врачи дивились тому, какъ это могло произойти.

9. НАСТАВНИЦА МОНАХИНЪ

«Совсѣмъ молодой послушницѣ, — вспоминаетъ монахиня Г., — я была на послушаніи въ богадльнѣ, гдѣ жила тогда мать Екатерина. Какъ-то мы вели бесѣду съ Матушкой — она лежала, а я сидѣла возлѣ нее и задала ей вопросъ: «Какъ спастись и какъ мнѣ спастись?» Мать Екатерина отвѣтила: «Живи просто. Старайся меньше осуждать». Тогда же она мнѣ сказала: «Причина осужденія — отъ невнимательной жизни». Это было въ 1958 году.

Мать Екатерина часто говорила не быть гордой, а «смиряться и смиряться». Говорила, что гордость — поглотитель всѣхъ добродѣтелей.

Разстроюсь я чѣмъ-нибудь на послушаніи, расскажу ей, а она мнѣ скажетъ: «У послушниковъ должна быть воля не своя, а Божія. А ты — послушница!» Помню также она говорила мнѣ: «Удерживай себя отъ гнѣва и раздраженія. Приучайся прощать обиды сестрамъ».

Часто я приходила къ ней и исповѣдовалась помысли. Одинъ разъ прихожу вся насушенная, а она мнѣ сразу говоритъ: «Ты опять недовольна! Такъ быстро мѣняется настроеніе, а надо поставить себя твердо и работать надъ собой, чтобы подвигъ твой былъ ко спасенію». Это тоже было въ 1958 году.

Много мнѣ тогда доводилось быть съ блаженной старицей. У нее была Иисусова молитва. Приду къ ней — принесу обѣдъ или зайду спросить что-либо, а она лежитъ и потихоньку, почти про себя: «Господи Иисусе

Въ домовой перки при богадльнѣ.

Послушаніе во время сѣнокоса.

Христе...» Сколько разъ такъ ее заставляла. Или слышу говорить: «Господи, прости меня — прости все!» Съ большимъ чувствомъ она это говорила и такъ учила. Апостоль, Евангелие и Псалтирь всегда рядомъ у нее были и она часто ихъ читала. Придетъ кто-либо — вслухъ почитаетъ, а одна — про себя читала.

Одинъ разъ прихожу къ ней, и такое у меня уныніе, я говорю: «Матушка, такое уныніе у меня на сердцѣ». — «А ты повторай, — говорить, — Господи, спаси мя, погибаю! Господи, спаси мя, погибаю!» Шесть лѣтъ въ богадльнѣ на послушаніи я была. А когда только пришла въ монастырь, Матушка Игуменія Ангелина поставила меня въ гостиницу. Вскорѣ пришла я къ матери Екатерины и говорю: «Матушка, я раздражаюсь иной разъ на богомольцевъ!» А она мнѣ на это такъ сказала: «Обходитесь съ ближними ласково, весело и съ любовью! Служите имъ: они какъ странники — прѣхали къ Матери Божіей! Служите имъ съ любовью, кротостію и терпѣніемъ!» И потомъ добавила: «Вы тогда будете спокойны, когда будете имѣть терпѣніе, смиреніе и любовь». Такъ она называла прѣзжихъ богомольцевъ — «странники Божіи — къ Матери Божіей прѣхали!» Часто слышала я отъ Матушки въ назиданіе: «Таково было мое сердце — всѣхъ утѣшать, а себя не жалѣть!»

Одинъ разъ пришла я къ ней и говорю: «Мать Екатерина, такое сердце у меня — вся какъ пустая, совершенно пустая и душа пустая. Не знаю, что мнѣ дѣлать?» Она мнѣ на это отвѣтила: «Сердце твоє нечуткое, но Господь коснется и тебя. Благодаря Бога, что ты живешь въ Обители — подъ Покровомъ Матери Божіей. Долго проживешь въ Обители, но въ тюрьму попадешь». Вотъ уже 35 лѣтъ, какъ я въ монастырь. «Ты пришла, — говорить, — въ монастырь и вступила во Святую обитель и окончи вѣнцомъ неслѣпнымъ!»

Въ другой разъ я хитончикъ въ клеточку одѣла, а она подходит и говорить: «Рѣшеточка, тюрьма, рѣшеточка, тюрьма!» и водить пальчикомъ по клеточкамъ. Три года мнѣ предсказала. Я говорю: «Мать Екатерина, я боюсь тюрьмы, очень боюсь!» А она такъ отвѣтила: «Можно и въ тюрьмѣ не сидѣть, а Господь пишетъ, что въ тюрьмѣ!»

10. ДАРЪ ПРОЗОРЛИВОСТИ

«Я жила въ монастырь второй годъ, — вспоминаеть сестра Л., — много было скорбей на первыхъ порахъ; я совсѣмъ духомъ упала, трудно все, непонятно; иногда мнѣ казалось: жизнь въ монастырь мнѣ не подъ силу. «Такъ хочѣтся видѣть мать Екатерину, — подумала я, отправляясь однажды на послушаніе, — въ богадльню бѣжать нѣкогда, да и часъ ранній». Выхожу за ворота — мнѣ навстрѣчу со стороны кладбища идеть мать Екатерина. Увидѣвъ ее, я очень удивилась и въ то же время обрадовалась исполненію моего желанія. Поравнялись мы съ ней, она начала мнѣ говорить: «Три года исполнится — будешь ходить въ шапкѣ, а черезъ семь лѣтъ поставятъ на клиросѣ». Тогда я не придала большого значенія словамъ матери Екатерины, такъ какъ не имѣла надежды, что когда-либо меня одѣнутъ въ рясофоръ или я стану пѣвчей. Но это исполнилось именно въ тѣ сроки, которые указала мать Екатерина».

Блаженная старица пришла однажды къ сестрѣ Н., дала ей конфету «Бѣлочка» и сказала: «Передай матери М. И скажи ей, что эта «Бѣлочка» съ горькимъ орѣшкомъ». Вскорѣ сестрѣ М. пришлось испить горькую чашу скорбей.

Въ другой разъ пришла мать Екатерина къ сестрѣ Н., дала ей три яблока и велѣла отнести къ сестрѣ М., которая въ то время жила на скотномъ дворѣ, послушаніемъ ея было пасти коровъ. Сестра М. никогда въ жизни

не встрѣчала такихъ кислыхъ яблокъ, какіе прислала ей мать Екатерина, но всё же она ихъ съѣла — знала, что Блаженная указываетъ ей на предстоящія новыя скорби.

Черезъ нѣскольکو дней къ сестрѣ М. пришла мать В., подала ей металлическій рубль и сказала: «Этотъ рубль прислала тебѣ блаженная старица и велѣла передать, что она тебѣ пригодится».

Наступилъ праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы, который въ Пюхтицкомъ монастырѣ отмѣчается торжественно, съ особыми традиционными обрядами. Всѣ сестры молились за Божественной литургіей, кромѣ пастушечь — они безсмысленно несли свое послушаніе.

Былъ десятый часъ дня, коровы наѣлись и, вбравъ поудобнѣй для себя мѣсто на притокѣ у ручейка, полегли отдыхать. Сестра М., не теряя времени, вынула изъ сумочки, которая была надѣта у нее черезъ плечо, маленький псалтирикъ и углубилась въ псалмы Царя Давида. Камень, на который она присѣла, подвѣслъ се.... Назавтра утромъ, вставъ съ постели, М. не могла наступить на правую ногу, у нее приключился радикулитъ. Пересиливая боль, съ большимъ трудомъ пастушечка два дня ходила въ полѣ, а на третій уже не въ силахъ двинуться съ мѣста, разрыдавшись, призналась старшей, что не можетъ идти на послушаніе.

Съ большимъ трудомъ, кое-какъ она доковыляла до монастыря, пришла въ свою келью и улеглась въ постель. Ни на пути, ни по дороге, ни во дворѣ монастыря никто съ ней не повстрѣчался, поэтому еще никто не знало о случившемся съ ней. Вдругъ стукъ въ окно. «Мать М. здѣсь живетъ?» — послышалась съ улицы голосъ блаженной старицы. (Между прочимъ, сестру М. мать Екатерина называла всегда «мать», хотя та была только рясофорная послушница). Тихо вошла она въ келью, подошла къ кровати и подала сестрѣ М. теплые чулки; затѣмъ сѣла на стулъ и долго иносказательно что-то говорила, голосъ былъ ласковый, сердечный. Столько мира она съ собой принесла....

Черезъ недѣлю сестра М. вынуждена была поѣхать на леченіе въ больницу. Конфетка «Блѣдочка», три кислыхъ яблока и металлическій рубль остались въ памяти на всю жизнь.

Сестра Т. прѣхала въ Нарву. Въ Йихви у вокзала надо сдѣлать пересадку на другой автобусъ, который отправляется черезъ часъ. Въ залѣ ожиданія Т. встрѣтила близкую знакомую; П. Д. сидѣла въ ожиданіи поѣзда на Петербургъ. Разговору «по душамъ» нашлось такъ много — не замѣтили, какъ приблизилось время прихода поѣзда. Они вышли на перронъ и сѣли на скамейку. Ихъ задумчивая беседа была прервана свисткомъ пароваго и стукомъ колесъ приближающаго поѣзда. «Это на Петербургъ?» — спросила П. Д. — «Нѣтъ, на Таллиннъ», — спокойно отвѣтила сестра Т. (Надо сказать, что эти поѣзда идутъ почти одновременно въ противоположныхъ направленіяхъ). Поѣздъ ушелъ. П. Д. стала беспокоиться и спросила у проходившаго мимо дежурнаго по вокзалу: «Куда этотъ поѣздъ направился?»

— «На Петербургъ», — была отвѣтъ. Обѣ подружки растерялись, не зная, что дѣлать. П. Д., разстроившаяся, стала говорить, что въ Петербургѣ ее должны встрѣчать, она подала телеграмму сестрѣ. «Будетъ, бѣдная, тамъ меня искать...» Сестра Т. предложила взять такси. Такъ и сдѣлали. Сестра Т. на этомъ же такси доѣхала до Нарвы.

На слѣдующій годъ П. Д. прѣхала въ Пюхтицы помолиться и, встрѣтивъ сестру Т., вотъ что ей рассказала: «Ты подумаю, тогда-то въ прошломъ году, мать Екатерина мнѣ предсказывала, что я не попаду на поѣздъ. Я утромъ зашла къ ней попрощаться, а она меня встрѣчаетъ со смѣхомъ: «А поѣздъ-то ушелъ!...» А сама заливается отъ смѣха. И опять: «А поѣздъ-то ушелъ!...» Тогда я съ удивленіемъ слушала и не понимала, къ чему она это говоритъ, и только дома вспомнила объ этомъ».

А. А. при своемъ отъѣздѣ въ Петербургъ зашла въ богадѣльню попрощаться съ блаженной старшей. Мать Екатерина, озабоченная, строго наказала А. А., чтобы она, когда прѣлетѣтъ домой, сразу же навѣстила А. В. (А. В. старица особо любила). А. А. исполнила наказъ матери Екатерины. — Оказалось, А. В. была тяжело больна и за ней нѣкому было ухаживать.

«Я мало знала мать Екатерину, никогда не ходила къ ней въ богадѣльню, не просила совѣтовъ, но чувствовала, что она очень добрая, — вспоминаетъ З. Л. — Помню, какъ въ какой-то большой праздникъ въ монастырѣ пекли пироги. Я жила за оградой у знакомой, и хотя пироги очень любила, но печь не умѣла, да и съ деньгами было туго, едва сводила концы съ концами. Въ этотъ праздничный день вечеромъ, когда заблаговѣстили къ службѣ, я пошла въ монастырь и увидѣла, что по двору идетъ мать Екатерина и ѣстъ пирогъ. Кусокъ большой, румяный, и она съ такимъ аппетитомъ ѣла, что у меня слюнки потекли. Поравнялись мы съ матерью Екатериной, и я ей поклонилась, а она посмотрѣла на меня и спрашиваетъ: «Пирогъ хочешь?» Я ужъ скрывать не стала и отвѣтила: «Очень». Она отломилла большую часть пирога и протянула мнѣ. «Кушай, вкусный, съ рыбой», — и улыбуилась. Улыбка была ласковая, нѣжная, какъ у ребенка. Я взяла пирогъ, и стоя рядомъ, мы съѣли каждый свою половину».

Вмѣстѣ со своей старинной подругой я прѣхала въ Пюхтицы лѣтомъ 1956 года. Автобусы тогда ходили очень рѣдко, и мы прѣхали съ вокзала на такси. Шоферъ остановился у гостиницы, которая находилась за монастырской оградой. Мы вышли и увидѣли у калитки маленькую старенькую монахиню съ большими свѣтло-сѣрыми глазами. Она посмотрѣла на насъ и сказала: «Отень Гурій прѣхаль!» Мы оглянулись — никого не было. «Матушка, мы одни прѣхали», — возразила я. Но она недовольно затрясла головой: «Бестолковыя какія! Говорю: отецъ Гурій прѣхаль!» Чтобы не продолжать бесполезнаго спора, мы молча вошли въ гостиницу. Послушница проводила насъ въ свободный номеръ, принесла воды въ рукомойникъ, а потомъ внесла подносъ съ

Икона Явления при святом источникѣ.

За святой водой къ святому источнику.

чаемъ. И только я собралась вслѣдъ попить чайку, какъ подруга хлопнула ладонью по столу и сказала: «А вѣдь правду матушка замѣтила, что отецъ Гурій прѣхаль». Я удивленно посмотрѣла на нее. «Ну-ка, вспомни, какъ тебя въ молодости нашъ покойный батюшка о. Алексій называлъ, а за нимъ и всѣ остальные?» — «Отцомъ Гуріемъ. Какъ же я это забыла?» — «Вотъ го-то, ты забыла, а эта старенькая монахиня провидѣла». «Какъ зовутъ ту монашечку, что стояла у калитки, когда мы прѣхали?» — спросила подруга послушницу, вошедшую къ намъ съ тарелкой свѣжей земляники. — «Мать Екатерина», — отвѣтила она.

Въ началѣ 50-хъ годовъ служилъ у насъ въ обители одинъ иеромонахъ. Мать Екатерина носила цветной расшитый поясъ, какъ у иеромонаха этого, и все не давала ему проходу: встанетъ во время службы напротивъ, ругается и чудить, «бу-бу-бу» тараторить. Не понимали сестры: что это съ м. Екатериной происходитъ? А иеромонахъ этотъ вскорѣ уѣхалъ въ мѣръ, женился.

Два стонскихъ мальчика неподалеку отъ обители съ ранняго утра всегда пасли корову, хотя были еще маленькіе. Мать Екатерина намажетъ хлѣбъ монастырской маслицемъ, завернетъ еще какой-либо гостинчикъ и имъ несеть — и съ ними останется потомъ погнати корову, поговорить, очень ихъ любила. Одинъ разъ идетъ изъ монастыря — гостинцы завернуты въ бумажкѣ — я спрашиваю: «Мать Екатерина, куда Вы идете и кому гостинцевъ несете?» Она остановилась. «А это, — говоритъ, — пасущему, который стало пасеть!» Я подумала: «Какое же стадо? — Одна корова да собака!» Такъ она

заранѣ предвидѣла, что оба брата православными священниками станутъ, а изъ семьи они были лютеранской.

Монахиня Е. такъ вспоминаетъ о блаженной старицѣ. Поступивъ въ монастырь въ 1947 году, молодая послушница Ольга (таково было ея имя отъ святаго крещенія) была направлена на скотный дворъ, гдѣ несла послушаніе и жила въ небольшомъ монастырскомъ домикѣ.

Какъ-то весной на разсвѣтъ она проснулась и услышала, что въ окошко стучать. Подъ окномъ стояла незнакомка въ длинной черной одеждѣ и платочкѣ, которая просила пустить ее въ домъ. Послушница Ольга еще мало кого знала тогда въ монастырь. Испугавшись, потому что былъ очень ранній часъ и всѣ сестры еще спали, она сказала: «Подождите, я новенькая, сейчасъ старшую спрошу!» Старшей была на скотномъ мѣ Аврамія. Разбудивъ мать Аврамію, она разсказала ей о незнакомой ранней гостѣ. Когда мать Аврамія вышла изъ дома и увидѣла ее, то сразу узнала: «Да это Катя изъ Геосиманіи!» Незнакомка все это время ходила молча подъ окномъ, вздѣ и впередъ.

Когда всѣ разошлись по дѣламъ послушанія, мать Екатерина, какъ всѣ ее называли, спросила послушницу Ольгу, какъ ея имя. «Ольга», — отвѣтила та. — «Ну, а въ монашествѣ — въ мантіи какъ мы тебя будемъ звать?» И сама же отвѣтила: «Елена. Потому что княгиня Ольга тоже стала въ крещеніи Еленой. Вотъ и ты будешь Еленой».

Много лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ. Разговоръ постепенно забылся и вспомнила о немъ послушница Ольга

Келейная молитва схимницы.

только въ минуту своего пострига въ мантию. Когда Владыка Алексій* сталъ постригать ее, онъ назвалъ имя «Елена» и тутъ же добавилъ: «Княгиня Ольга тоже стала въ крещеніи Еленой». Тогда мать Елена вспомнила пророческіе слова блаженной старицы, которые сбылись въ точности въ свое время.

Много людей принимала мать Екатерина въ богадльнѣ. Приѣхалъ при мнѣ одинъ священникъ, попривѣтствовали они другъ друга. Вдругъ мать Екатерина говоритъ: «Батюшка, ты не ѣдиз на мотоциклѣ!» Онъ улыбнулся и отвѣчаетъ: «Матушка, я даже и на велосипедѣ не умью ѣздить!» — «Не ѣдиз на мотоциклѣ!» — опять повторила старица. Я лампадочки возжигала — слышу мать Екатерина говоритъ: «Здѣсь кровь, тамъ кровь, здѣсь побито, тамъ сломано!» — и сама показываетъ на плечи, руки. Вскорѣ священникъ попрощался и ушелъ, посовѣтовавшись съ матерью Екатериной о своихъ дѣлахъ. Какъ оказалось потомъ, приѣхавъ домой, вскорѣ онъ былъ приглашенъ на требы и очень сибѣшилъ. Выйдя изъ дома, увидѣлъ, что изъ деревни ѣдетъ кто-то на мотоциклѣ и приглашаетъ подвести его. Сначала священникъ отказался, но потомъ сѣлъ — очень торопился. Въ тотъ день былъ сильный вѣтеръ — столбъ электрическій вдоль дороги и проволочкой мотоциклъ заматало. Священникъ сильно пострадалъ и попалъ въ больницу, вспомнивъ тогда, что ему блаженная старица говорила. Написалъ письмо, потомъ и самъ приѣхалъ, но мать Екатерина умерла къ тому времени — онъ все это намъ самъ рассказывалъ.

Многое мать Екатерина провидѣла. За много лѣтъ впередъ знала, напримеръ, кто Святѣйшимъ Патриархомъ станетъ. Владыка Пименъ, когда еще намѣстникомъ Псково-Печерскаго монастыря былъ, къ намъ въ обитель часто приѣзжалъ. Одинъ разъ рано утромъ мать

Екатерина будить меня: «Вставай! Святѣйшаго встрѣчать будемъ! Ты какъ, по правую сторону встанешь или по лѣвую?» — спросила она и одѣла меня какъ иподіакона и сама полотенцемъ крестъ-накрестъ опоясалась. Пришелъ Владыка Пименъ къ намъ въ богадльню, гостинцы принесъ — мандарины, конфеты, розовое масло. Мы съ матерью Екатериной встрѣчали его въ дверяхъ какъ два иподіакона. Она ему «Ваше Святѣйшество» говорила.

О Святѣйшемъ Патриархѣ Алексіи II мать Екатерина тоже предсказывала, говорила: «Мы одного встрѣтили — и второго нашего встрѣтимъ!» Однажды пошла мы съ матерью Екатериной изъ богадльни въ игуменскую, при Матушкѣ Ангелинѣ. Къ намъ тогда приѣхалъ Владыка Сергій (Голубцов), архіепископъ, и нашъ Владыка — теперешій Святѣйшій Патриархъ Алексій, тогда еще епископъ Таллинскій и Эстонскій, недавно назначенный на эту кафедру. Пока мы шли въ игуменскую, мать Екатерина меня спрашиваетъ: «Галочка, къ кому пойдемъ первому подъ благословеніе?» И опять повторять: «Къ кому пойдемъ?.. По званію и годамъ, мы должны къ Владыкѣ Сергію сначала подойти, а по старшинству — надо къ нашему!» Потомъ шепотомъ добавила: «Да, мы пойдемъ къ Святѣйшему, къ Святѣйшему пойдемъ!»

Приѣхалъ какъ-то къ намъ одинъ человѣкъ въ простой мірской одеждѣ — я тогда встрѣчала приѣзжавшихъ въ обитель и размѣшала ихъ — и сразу говоритъ: «Отведи меня къ матери Екатерины!» Привела его въ богадльню въ кельію м. Екатерины, она, какъ лежала, сразу поднялась и земной поклономъ ему сдѣлала. Потомъ мы узнали, что это игуменъ Исая съ Авона. Былъ онъ въ Пюхтицахъ первый разъ и мать Екатерина никогда раньше его не видѣла. Впоследствии его духовныя чада сообщили, что онъ умеръ въ самый праздникъ Благовѣщенія.

11. ВЪ ЗАТВОРѢ

Сестры Пюхтицкія помнятъ скорбное время конца 1961 и начала 1962 года, когда надъ обителью нависла черная туча и колокола перестали звонить...

Мать Екатерина взяла на себя подвижъ, чтобы переимнѣть гнѣвъ Божій на милость. Передъ началомъ Великаго поста 1962 года она ушла въ затворъ, избравъ себѣ мѣстомъ жительства настоятельской домъ, и пребывала тамъ въ постѣ и молитвѣ до Пасхи того года. За это время не только приѣзжѣ, но даже никто изъ сестеръ не видѣлъ ее лица, кромѣ проживающихъ въ игуменскомъ домѣ.

Прошелъ Великій постъ. Наступила Преблагословенная Суббота. И гроза миновала. Мать Екатерина вышла изъ своего затвора. Въ Пасху впервые послѣ долгого молчанія колокола гудѣли радостно, побѣдно: «Слава Богу!»

«Помнитса, передъ вечернимъ богослуженіемъ я зашла къ блаженной старицѣ, — рассказываетъ сестра Е.

*Епископъ Таллинскій и Эстонскій Алексій — нынѣ Святѣйшій Патриархъ Алексій II.

— Она лежала на своей кровати, я встала рядом и о чем-то съ ней беседовала. Вдруг она спрашивает: «Ты видишь, как святые идут в храм?» — «Нѣтъ, мать Екатерина, не вижу». — «А я вижу. Они приходят раньше людей. Идутъ.... Идутъ другъ за другомъ...» И стала меня торопить: «Иди, иди скорѣе въ храмъ, пока еще служба не началась».

12. МИТРОПОЛИТЬ МАНУИЛЬ

«Въ началѣ декабря 1964 года мнѣ пришлось встрѣтиться съ великимъ подвижникомъ благочестія и большимъ церковнымъ дѣятелемъ, блаженной памяти митрополитомъ Мануиломъ, который въ то время управлялъ Куйбышевской (Самара) епархіей, — вспоминаетъ сестра Е. — Въ моментъ нашей бесѣды Владыка много и подробно разспрашивалъ о блаженной старицѣ Екатериинѣ, называя ее схимонахиней, хотя тогда она еще не имѣла пострига въ мантию. Что могла, я рассказала Владыкѣ о матери Екатериинѣ, въ заключеніе добавивъ: «Владыка, мнѣ кажется, Вы похожи другъ на друга». Я имѣла ввиду ихъ беспредельную самоотверженную любовь и жалость къ людямъ, полное жертвенное посвященіе своей жизни на служеніе Богу и ближнимъ. Да и во внѣшности ихъ что-то было общее: маленький ростъ, худощавая фигура. Даже черты лица напоминали другъ друга: овалъ лица, продолговатый носъ и эти большіе сѣрые глаза, въ которыхъ отражалась большая душа...

— Да мы съ ней встрѣчались, — сказалъ Владыка.

— Какъ встрѣчались, лично?! — воскликнула я, зная, что этого не могло быть.

— Нѣтъ, — улыбувшись, опустивъ голову, отвѣтилъ Старецъ.

Въ день Ангела матери Екатериинны Владыка послалъ ей поздравительную телеграмму, адресовавъ: «Схимонахинѣ Екатериинѣ». Когда я уѣзжала, онъ просилъ земно поклониться блаженной старицѣ.

По приѣздѣ домой я пошла къ матери Екатериинѣ и передала ей поклонъ отъ митрополита Мануила, а она также удивила меня, сказавъ:

— Я знаю его, мы съ нимъ встрѣчались.

— Какъ въ встрѣчались, лично? — спросила я у нее.

Посерьезнѣвъ и потупивъ взоръ, старца ничего не отвѣтила.

Послѣ кончины Владыки въ его заупокойномъ синодикѣ нашли имя матери Екатериинны (она раньше его преставилась) подъ заголовкомъ: «О тѣхъ, кто не желалъ быть прославленными».

13. «УМЫШЛЕННАЯ ГЛУПОСТЬ»

Жизнь ея трудно поддается описанію, такъ какъ это необычная, непостижимая умомъ человѣческимъ жизнь — юродство ради Господа — самый великій и самый трудный подвигъ при полной самоотреченности и преданности въ Волю Божию.

Вотъ что удалось извлечь изъ дневниковыхъ записей ея духовника:

«Юродство Христа Ради Или Умышленная Глупость»

Этотъ вопросъ хорошо разъяснила мать Екатерина. «Глупость есть грѣхъ, — сказала она, — потому что человекъ не пользуется даромъ Божиимъ, закопавъ свой талантъ въ землю, какъ лѣнливый рабъ».

А о себѣ она сказала:

«Я отказалась отъ своего разума, — разумѣется, для славы Божіей, покоривъ Ему всю свою волю. Принесла жизнь свою въ даръ Богу».

А Богъ даруетъ человеку благодатный даръ высшего разузенія и прозрѣнія. Откровеніе же Божіе получается черезъ молитву» (Выписано дословно).

Одной своей духовной дочери мать Екатерина писала:

«Когда я отдала свой умъ Господу — у меня сердце стало широкимъ широкимъ...»

14. ПОСТРИГЪ ВЪ МАНТИЮ

5-го Апрѣля 1966 года Архіепископомъ Таллинскимъ и Естонскимъ Алексіемъ въ Пюхтичскомъ монастырѣ, кельей, въ игуменскихъ покояхъ былъ совершенъ постригъ въ мантию послушницы монастыря Екатериинны Малковъ-Паниной съ оставленіемъ ей прежняго имени.

Мать Екатерина просила Владыку сдѣлать ей исключеніе: кожаный поясъ, который обычно дается при постригѣ, замѣнить матерчатымъ. Просьба была удовлетворена.

Послѣ пострига въ мантию мать Екатерина особенно стала тяготиться пріемомъ посѣтителей. Долго жила она въ настоятельскомъ домѣ, не желая возвращаться въ богадельню, а когда была вынуждена туда переходить, то просила матушку Игуменію ограничить доступъ къ ней приходившихъ.

Послѣдніе годы своей жизни блаженная Старинца рѣдко выходила изъ дому, больше лежала. Если она вставала и гдѣ-либо неожиданно появлялась, то это было большимъ происшествіемъ и значило, что въ этомъ домѣ или кельи должно произойти что-то особенное, значительное.

Состояніе ея здоровья было то похуже, то получше, но никому ни на что она не жаловалась, никто не зналъ, что у нее болитъ. Въ послѣднемъ письмѣ къ А. В., которую Старинца особенно любила и только ей написала нѣсколько писемъ, мать Екатерина писала:

«Какъ легко взять на себя подвигъ и какъ трудно его докончить...»

И тутъ же спрашивала: не знаетъ ли Анна Васильевна, какъ облегчить ея страданія? У матери Екатериинны постоянно была воспалена кожа во рту, трескалась и какъ отъ ожога слезала. Она страдала хроническимъ насморкомъ, поэтому вмѣсто носовыхъ платковъ пользовалась головными. Въ носу у нее были полипы, она дышала ртомъ. Нѣкоторые признаки говорили о болѣзни ея желудка, а почти постоянный придушенный кашель — о болѣзни легкихъ. Одинъ Господь зналъ ея

Плохтицкий монастырь, рисунокъ Ел. Соболевой.

страдания, виѣшнѣ она ничемъ ихъ не выражала, кромѣ того, что стала больше лежать, но по-прежнему была въ бодрственномъ состояннѣ духа.

Причащалась мать Екатерина (послѣ принятія пострига) каждую среду, а потомъ среду перемѣнила на субботу, причемъ только у своего духовника.

Случалось, неожиданно для всѣхъ мать Екатерина переселалась со своей кровати на кухонный диванъ настоятельскаго дома — это было дважды, когда Матушка Игуменья опасно болѣла.

15. «ИГУМЕНЬ» ЮАННЪ КРОНШТАДСКІЙ

«Какъ-то зимой 1968 года я зашла къ матери Екатерины, — вспоминаетъ сестра Е. — она меня спрашиваетъ: «Кто у насъ Игуменья?» — «Матушка Варвара», — отвѣчаю. «А Игумень?» — «Не знаю». — «Какъ же ты не знаешь, кто Игумень? Кто помогаетъ Матушкѣ?» — Я молчу. — «Бестолковая!» — разсердилась она, — вотъ кто Игумень!» — указывая на портретъ дорогого Батюшки Отца Иоанна Кронштадскаго, твердо сказала она.

Незадолго передъ смертью матери Екатерины, — вспоминаетъ м. Г., — одинъ монастырскій священникъ велѣлъ мнѣ спросить, на кого она обитель оставляетъ. Я спросила: «Мать Екатерина, на кого Вы насъ оставляете, и особенно меня?» Мать Екатерина лежала, повернулась къ стѣнѣ и говоритъ: «Вотъ — Батюшка дорогой!» — и показала на портретъ отца Иоанна Кронштадскаго, который рядомъ съ иконочками висѣлъ (тогда почти у каждой Плохтицкой старицы былъ его портретъ возлѣ иконъ). Мать Екатерина еще раньше нѣсколько разъ мнѣ говорила: «А Батюшка дорогой сегодня у меня былъ! Батюшка дорогой приходилъ! Батюшка меня причащалъ!»

А одинъ разъ такъ было. Пришла я въ храмъ — служба тогда осенью, зимой и ранней весной въ Трапезной церкви проходила — соборъ не отапливался. — Стою въ Трапезной церкви и вижу: отецъ Петръ служитъ и около него еще одинъ священникъ стоитъ въ свѣтлой ризѣ. Опять смотрю и думаю: «У меня, оказывается, сегодня въ глазахъ двоится!» Когда служба закончилась, я отцу Петру говорю: «Батюшка, у меня, навѣрное, въ глазахъ двоится — мнѣ кажется, два священника сегодня было!» (Тогда въ монастырѣ всего одинъ священникъ былъ и безъ диакона служилъ.)

Послѣ службы прихожу къ матери Екатерины, а она мнѣ сразу говоритъ: «Сегодня Батюшка дорогой былъ у насъ въ Трапезнѣ!» Я еще не успѣла ей ничего разсказать, какъ она сама уже говоритъ мнѣ объ этомъ. Нѣсколько минутъ я видѣла его: онъ въ алтарь былъ — отецъ Петръ частички вынималъ, а другой священникъ рядомъ стоялъ. Я слѣва, у самаго амвона, у Креста всегда стояла, тамъ было мое мѣсто — новоначальнымъ благолюбящимъ свое мѣсто въ храмѣ и на чужое мы уже не вставали. Когда дверь въ алтарь открывалась, мнѣ хорошо было все видно. Сколько я ни терла глаза въ тотъ день, все двухъ священниковъ видѣла — тру глаза, тру и все равно двоится!

Мать Екатерина очень дорогого Батюшку любила и читла — часто его вспоминала, говорила мнѣ: «Въ тяжелыя минуты жизни я всегда просила помощи у Батюшки!» Раньше часто совершалась панихида въ монастырѣ за Батюшку и блаженную Ксеню, особенно въ трудные для обители дни. 19-го Октября и 20-го Декабря, въ его памятные дни, мать Екатерина и всѣ сестры обители старались всегда причаститься.

16. КОНЧИНА

4-го Мая 1968 года, какъ молнія пролетѣла по монастырской оградѣ вѣсть: «Матери Екатерины плохо...»

Сестры одна за другой потянулись въ богадѣльню.

Блаженная Старица лежала на лѣвомъ боку, лицомъ къ стѣнѣ. Крѣпко сжатая руки, вытянутыя отъ себя, глубоко затрудненное дыханіе говорили о томъ, что ей тяжело. Спокойнымъ, серьезнымъ, немного грустнымъ взглядомъ она встрѣчала каждаго. Сестры по очереди подходили къ ее кровати, безмолвно прошались, земно кланяясь блаженной старицѣ. Въ это утро ее причастили Святыхъ Таинъ.

5-го Мая 1968 года — второе воскресенье по Пасхѣ — празднованіе жень-мвроносиѣ. Яркая заря предварила лучезарный восходъ солнца; стояло теплое ясное утро, воздухъ былъ свѣжій, чистый; птицы дружно славили Творца, порхая и купаясь въ солнечныхъ лучахъ. Заблаговѣстили къ обѣднѣ, Матушка Игуменья Варвара быстрыми шагами направилась въ храмъ. «Какъ-то мать Екатерина?» — млькнула мысль, и она рѣшила навѣстить блаженную Старицу. Придя въ богадѣльню, Матушка поняла, что наступаетъ послѣдній моментъ

течения этой большой исключительной жизни, поэтому не пошла къ литургіи, какъ намѣревалась, а осталась у постели больной. Наканунѣ, въ субботу вечеромъ, она также не отходила отъ нее до глубокой ночи.

Утромъ до литургіи Старицу еще разъ приобщили Святыхъ Христовыхъ Таинъ.

Послѣ Божественной литургіи состоялся крестный ходъ вокругъ собора, въ которомъ Матушка Игуменія приняла участіе, и сразу же снова пошла въ богадельню.

Стоялъ чудесный весенній солнечный день. И сердца людей, и природа были переполнены свѣтлой пасхальной радостью. «Пасха Господня! Пасха!» «Мурносицы жены утру глубоко предсташе гробу Жизнодавца!» — различна въ воздухѣ звонкіе монашескіе голоса. Колокола торжественно гудѣли. Съ радостными, сияющими лицами народъ выходилъ изъ храма, а ихъ встрѣтила печальная вѣсть: «Мать Екатерина умираетъ...»

У кровати умирающей были Матушка Игуменія Варвара, Матушка Игуменія Ангелина и Матушка Благодичная, монахиня Нектарія.

Мать Екатерина лежала на правомъ боку, покрытая мантіей. Въ глазахъ почти не отражалась жизнь; голова ея была немного запрокинута; глубоко и тяжело дышала она открытымъ ртомъ.

Въ изголовьѣ были положены образъ Казанской Божіей Матери, Крестъ и свѣча постригальные. По благословенію Настоятельницы, изъ собора былъ перенесенъ Чудотворный образъ Успенія Божіей Матери и имъ обнесли умирающую.

По очереди стали подходить люди прощаться, не задерживаясь и уступая другъ другу мѣсто, но каждому не хотѣлось уходить. Дважды прочли Отходную, послѣ чего сестра Е. стала читать акаанію Казанской Божіей Матери.

Медленно угасала жизнь. Все больше и больше тускнѣли глаза и заострялись черты лица. При чтеніи 13-го кондака «О Всепѣтая Мати!» монахиня Екатерина тихо скончалась.... Было 2 часа 10 минутъ пополудни.

Закрывшись навсегда тѣ замѣчательные глаза, которые такъ дѣйствовали на сердца человѣческіе и проникали въ самую глубь души.

Нѣкоторые соблазнились медленнымъ исходомъ души блаженной Старицы. Монахиня Екатерина ушла отъ насъ, сохранивъ въ тайнѣ свою жизнь и смертію своей храня тайну жизни до конца.

Послѣ необходимого приготовления тѣла для положенія его во гробъ 12 уставныхъ ударовъ большого монастырскаго колокола возвѣстили о кончинѣ блаженной Старицы. Въ 5 часовъ вечера гробъ съ тѣломъ почившей перенесли въ соборъ и сразу же была совершена первая панихида, послѣ чего началось торжественное всенощное бдѣніе на праздникъ св. великомученика Георгія Побѣдоносца. Послѣ всенощного бдѣнія снова была отслужена панихида, затѣмъ у гроба почившей началось неуспяемое чтеніе псалтири, которое прерывалось только службами и панихидами.

На другой день за литургіей замѣтно прибавилось народу, а къ вечернему богослуженію храмъ былъ полонъ людьми. Послѣ вечерней службы долго народъ не расходился изъ храма, очень многие остались у гроба на всю ночь и молились при чтеніи псалтири. На «славахъ» каизмъ всенародно пѣли «Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоея...»

6-го Мая поступила телеграмма отъ Высокопреосвященнѣшаго Митрополита Алексія: «Скорблю о кончинѣ Старицы монахини Екатерины. Господь да упокоитъ ея душу въ обителяхъ небесныхъ. Молюсь о упокоеніи ея души, сожалею, что самъ не могу проводить ея въ путь всяя земли. Шлю Божіе благословеніе Матушкѣ Игуменіи, Отцамъ протоіерямъ, сестрамъ обители и всемъ собравшимся проводить монашину Екатерину въ послѣдній путь.

Митрополитъ Таллинскій и Эстонскій Алексій».

Во вторникъ 7-го Мая послѣ Божественной литургіи состоялся чинъ отпѣванія почившей Старицы.

А колокола все звонятъ... Звонятъ радостно и говорятъ не о смерти — о воскресеніи: «Отъ смерти бо къ жизни, отъ земли къ небеси Христосъ Богъ насъ привелъ...»

Похоронена мать Екатерина у алтарной части Николо-Арсеніевской кладбищенской церкви, съ южной стороны, рядомъ съ тропкой*.

*Жизнеописаніе составлено по письмамъ Татьяны Константиновны Малковъ-Паниной, жены старшаго брата монахини Екатерины, Георгія (†1969) и воспоминаніямъ сестеръ Пюхтицкой обители.

Блаженная Екатерина Юродивая.
Рисунокъ сдѣланъ, когда блаженная ѣла хлѣбъ.

Кладбище съ перковью Свят. Николая и Преп. Арсеній Великаго.

ПОСЛѢДНІЙ ПОКЛОНЪ

Посвящается усопшей Пюхтицкой матушкѣ Екатеринѣ

Лично счастья въ семь мѣръ не знала,
Для всѣхъ ты всѣмъ сердцемъ жила,
И за всѣхъ людей ты глубоко страдала,
Всѣмъ ангеломъ свѣтлымъ была.

И скорбные люди утрату познали,
Прощаясь у гроба съ тобой,
Могучимъ потокомъ тебя провожали
На вѣчный блаженный покой.

Покойся же тѣломъ до время въ могилѣ
Подъ чуднымъ покровомъ Креста.
Душа же твоя въ смертный часъ отлегла
Въ Обители Бога Христа.

Какъ свѣчка предъ Богомъ всегда ты горѣла,
Но пробилъ послѣдній твой часъ:
Отъ бремена тѣла душа отлегла
И взоръ твой навѣки угасъ.

Ты съ этою жизнью легко разлучилась
И съ ясною свѣтлой душой
Къ небеснымъ чертогамъ какъ ангель явилась,
Покинувъ миръ грѣшный земной.

Любовь беспредѣльную къ людямъ имѣла,
Добрѣйшая мать всѣмъ была,
И къ Богу въ молитвѣ, постѣ пламенила,
Всѣ силы Ему отдала.

И съ чистой душой передъ Богомъ предстала.
Стяжать чѣмъ тамъ вѣчный покой.
За насъ тамъ заступницей крѣпкою стала —
Скорбящихъ въ юдоли земной.

Прими же поклонъ нашъ земной и прошальный,
Честная Христова раба,
И миръ безмятежный, святой, беспечальный
Да будетъ съ тобой навсегда!

Аминь.
Схимонахиня Пахомія

Санний путь отъ Святыхъ вратъ дорогой обители.

«Когда настоятельница должнсть введеть тебя въ тѣсное общеніе съ другими жизнями, и ты не только внѣшней помощію, но внутреннимъ чувствомъ войдешь въ сочувствіе къ ближнему, удовлетворяя его немощи, а иногда отстаивая чистоту его души, какъ собственную, ты будешь вызвана не только научить, но обличить, огорчить, наказать.... У каждаго человека свой крестъ, и онъ долженъ взять его, а не отречься отъ него».

Схимница Усть-Медвѣдицкаго женскаго монастыря Ардаліона

Зимній снимок часовенної сѣни у могили казахстанських новомучениковъ. 1993 г.

НОВЫЙ РОССИЙСКИЙ МАТИРОЛОГИЙ

АЛМА-АТИНСКІЕ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКИ

Серафимъ и Теогность

И ИЖЕ СЪ НИМИ ВЪ КАЗАХСТАНСКОЙ ЗЕМЛѢ ПОСТРАДАВШІЕ ІЕРОМОНАХИ ПАХОМІЙ И АНАТОЛІЙ, СХИМОНАХЪ ИРАКЛІЙ, СТРАННИКЪ ВИКТОРЪ И УБИЕННАЯ МОНАХИНЯ ЕВДОКІЯ

Память 29-го Іюля (†1921)

Давы умилостивить Господа, русскій народъ долженъ сознать свой грѣхъ братоубійства, цареубійства, да и посленовѣніе изъ сердецъ своего же богоноснаго народа на грѣхъ Богоубійства. Долженъ и принести плоды покаянія! Исторія этого требуетъ, если великой Россіи надлежитъ быть въ своей самобытности. Отечественныя подвижники, въ лицѣ своихъ новомучениковъ, вопіютъ къ Господню милосердію и пощадѣ. И вотъ наконецъ-то смиренныя жертвы возносятся въ ряды святыхъ заступниковъ отечества священноначальемъ современной многострадальной Святой Руси.

1. ВАЛААМСКІЕ И ГЛИНСКІЕ ИНОКИ

ВЪ ЦЕЛЮЮ распространения Православной вѣры въ Туркестанскомъ краѣ и духовнаго просвѣщенія азіатскихъ кочевниковъ Преосвященный Александръ (Кульчичскій), Епископъ Туркестанскій, вознамѣрился зачѣмъ на берегахъ Иссыкь-Кульскаго озера миссіонерскую путеводную звѣзду. Въ 1882 году онъ освятилъ избранное мѣсто и воздвигнулъ деревянный крестъ тамъ, гдѣ предположено было основать мужской Свято-Троицкій миссіонерскій монастырь. Первые насельники монастыря приложили много трудовъ для возведенія монастырскихъ стѣнъ и зданій и устроения хозяйства, но далекой отъ російскихъ духовныхъ оазисовъ Иссыкь-Кульскій монастырь не могъ выполнять своихъ основныхъ миссіонерскихъ функций. Для успѣха дѣла нужны были умные святѣли, образованные монахи, но такихъ въ Туркестанскомъ краѣ не было.

Преосвященный Александръ и его преемники по кафедрѣ неоднократно обращались въ Святѣйшій Синодъ съ просьбой о назначеніи въ монастырь настоятеля и увеличеніи числа братіи. Однако просьбы долгое время не находили удовлетворенія. Синодъ сносился съ нѣкоторыми епархіальными архіереями на этотъ предметъ, но охотниковъ отправиться въ полудикій Туркестанскій краѣ не находилось. Но скорѣе мать забудетъ своихъ дѣтей, нежели Господь своихъ избранныхъ. Радостное умноженіе братіи послѣдовало въ 1886 году, когда въ монастырь пріѣхало 11 иноковъ изъ Свято-Михайловской Закубанской пустыни. А въ 1894 году съ островъ

величественнаго Ладожскаго озера изъ древнѣйшаго въ Россійской землѣ монастыря прибыли 8 иноковъ во главѣ съ игуменомъ Севастьяномъ, внося съ собой духъ Валаамской обители. Нѣсколько лѣтъ спустя, уже въ началѣ 20-го столѣтія, въ монастырь были приглашены изъ Рождество-Богородичной Глинской пустыни Курской епархіи нѣсколько иноковъ, въ числѣ которыхъ были монахи Серафимъ, Теогность и Анатолій. Извѣстно, что они были образованные иноки, ведшіе высокую подвижническую жизнь. Кромѣ того, отецъ Серафимъ былъ надѣленъ иконописнымъ талантомъ и имѣлъ прекрасный пѣвчскій голосъ. Отецъ Анатолій былъ замѣчательнымъ пѣвцомъ и незауряднымъ регентомъ. Отецъ Теогность имѣлъ хорошія административныя наклонности.

Въ Свято-Троицкомъ монастырѣ глинскіе иноки сблизились съ монахами Пахоміемъ и Иракліемъ.

Въ 1909 году монахи Серафимъ и Анатолій были призваны въ каедральный соборъ города Вѣрнаго, гдѣ удостоились получить священническую санъ и несли свое служеніе въ Успенской церкви Туркестанскаго архіерейскаго дома, за которое въ 1912 году были награждены правомъ ношенія набедренника. Въ 1916 году іеромонахъ Анатолій управлялъ архіерейскимъ хоромъ въ Вознесенскомъ каедральномъ соборѣ города Вѣрнаго. Но городская суета тяготила глинскихъ монаховъ, и въ свободное отъ несенія чередныхъ службъ время они удалялись въ горное урочище Медо, гдѣ ими былъ основанъ скитъ на сопкѣ Мохнатой.

Монахъ Ираклій и іеромонахи Пахомій и Теогность оставались въ Иссыкь-Кульскомъ монастырѣ до 1916 года, гдѣ послѣдній въ этомъ же году былъ утверждѣн въ должности благочиннаго и помощника духовника для мірянъ.

Троицкий храм Свято-Троицкаго Исыкъ-Кульскаго монастыря. Фото 20-х годов.

2. ИССЫКЪ-КУЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Лѣтомъ 1916 года въ Семирѣчи началось возстаніе киргизовъ, они напали на монастырь. Монахъ Ираклій явился единственнымъ свидѣтелемъ происшедшихъ въ монастырѣ событій, его воспоминанія черезъ духовныхъ чадъ дошли до нашихъ дней. Анастасія Степановна Нагибина слышала отъ о. Ираклія слѣдующій разсказъ:

«Въ монастырь прѣѣхали киргизы и стали требовать цѣнности. Монахи сказали, что у нихъ ничего нѣтъ. Киргизы покричали, пошумѣли и велѣли къ определенному дню приготовить цѣнности, какія есть, пригрозивъ расправой въ случаѣ отказа. Тогда часть монаховъ, въ числѣ которыхъ были отцы Ѳеогностъ и Пахомій, ушли изъ монастыря: кто въ горы, кто въ ближайшія селенія. Отецъ Ираклій и монахи преклоннаго возраста остались, сказавъ: «Будь что будетъ. Мы уже старые и никому не нужны. Какъ Богу угодно».

Въ назначенный день оставшіеся монахи закрылись въ монастырѣ и стали служить. Всѣ исповѣдались, причастились. Киргизы прѣѣхали утромъ, принялись стучать въ двери саблями. Монахи не открывали.

«На меня страхъ напасть. — говоритъ о. Ираклій, — видимо мнѣ не время было умирать, нетовый былъ. Я побѣжалъ на колокольню, ищу гдѣ спрятаться. Метался, метался и ползезъ подъ тѣсь, подъ листъ желѣза. Киргизы выбили двери, зашли въ монастырь. Иконы побили, забрали церковную утварь: чаши, подносы, кресты. Потомъ во дворѣ началась казнь. Я лежалъ подъ крышей, и мнѣ все было видно. Было очень жарко, я чуть не сгорѣлъ. Желѣзо накалилось, хотѣлось пить, но пришлось терпѣть». Рассказывая все это, о. Ираклій

называлъ замученныхъ по именамъ и плакалъ. «Не пощадили никого, всѣхъ порубили. Подъ вечеръ, къ заходу солнца смотрю, киргизы сѣли на лошадей и уѣхали. А я все подъ крышей лежу. Вижу, появились люди изъ селеній и ушедшіе монахи стали подходить. Тогда я сталъ вываливаться изъ своего убѣжища. Упалъ на полъ колокольни, а у меня ни руки, ни ноги не работаютъ. Пить хочу. Я катался по полу, чтобы хоть немного отойти. Потомъ сталъ спускаться внизъ — не шель, а катился. И тогда меня братья увидѣли, напоили водой.

Плачемъ всѣ. Къ утру раненые поумирали. Похоронили всѣхъ въ общей могилѣ».

Послѣ этого событія отцы Ираклій, Ѳеогностъ и Пахомій ушли въ г. Вѣрный. Въ 1919 году монастырь былъ закрытъ коммунарми. Мечта Епископа Александра о мисіонерской звѣздѣ не осуществилась. Но не оставилъ Господь подъ спудомъ свѣтильниковъ, горящихъ любовью къ Нему.

Ко времени прихода въ г. Вѣрный монаха Ираклія, іеромонаховъ Ѳеогноста и Пахомія въ скиту на Мелео были поставлены деревянныя келліи, поклонный крестъ, вокругъ котораго былъ разбитъ цвѣтникъ, устроена подземная церковь въ честь преп. Серафима Саровскаго.

Единственная дожившая до нашихъ дней монахиня Иверско-Серафимовскаго монастыря Магдалина (въ міру Ѳеоктиста Савельевна Халина, 1888 — 1993), духовная дочь іеромонаха Серафима, оставила намъ свои воспоминанія о событіяхъ того времени:

«Тамъ была очень красивая церковка. Глубоко внизъ вели около 20-ти ступеней. Она небольшая была, какъ комната, но отдѣльный алтарь, пономарка. Внутри все было обшито тесомъ. Отецъ Серафимъ паникадило деревянное самъ сдѣлалъ. Онъ все тамъ сдѣлалъ, всю утварь. Ой, тамъ красиво было, какъ въ раю! Иконъ много у насъ было, кругомъ иконы. Отецъ Серафимъ самъ ихъ писалъ. Народа много приходило изъ города. Владыка Димитрій часто прѣѣзжалъ. Особенно много людей приходило лѣтомъ, на преподобнаго Серафима Саровскаго. Нѣсколько ниже въ томъ же ущельѣ находилась архіерейская дача съ церковью, освященной также въ честь преп. Серафима Саровскаго. Люди, побывавъ на архіерейскомъ богослуженіи, подымались въ скитскую церковь. Но всѣ не вмѣщались. Кто на улицѣ молился, кто на ступенькахъ».

Монахи чистой своей жизни привлекали къ себѣ вѣрннцевъ, какъ простой народъ, такъ и сановитыхъ. Отецъ Серафимъ какъ-то разсказывалъ:

«Я заболѣлъ, лежалъ. И такъ мнѣ захотѣлось рыбы. Вотъ лежу и думаю: «Если бы я поѣлъ рыбы, я бы выздоровѣлъ». Такъ хочу рыбы. И вотъ къ вечеру слышу голоса на улицѣ. Открываю дверь келліи — стоитъ на порогѣ губернаторъ Фольбаумъ и говоритъ: «Батюшка, я тебѣ рыбки привезъ». Батюшка про себя и подумалъ: «Господи, Господи, милость Твоя какая! Я только помечталъ о рыбкѣ, и самъ губернаторъ мнѣ ее привезъ».

Храмъ Всѣхъ Святыхъ Иверско-Серафимовскаго женскаго монастыря въ г. Върномъ. Начало разрушенія въ совѣтское время.

3. ИВЕРСКО-СЕРАФИМОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Къ этому времени относится основаніе въ городѣ Върномъ Иверско-Серафимовской женской общины, обращенной, по ходатайству Епископа Туркестанскаго Дмитрія, въ женскій общежительный монастырь. Первыми насельницами этого монастыря были монахини Свято-Николаевскаго Ташкентскаго монастыря во главѣ съ монахиней Паисіей, а въ 1911 году указомъ Святѣйшаго Синода монахиня Ставропольскаго Иоанно-Маріинскаго монастыря Нектарія была возведена въ санъ игуменіи Върненскаго монастыря.

Иеромонахи Серафимъ и Анатолій прилагали къ укрѣпленію монастыря свое пастьерское попеченіе, духовно окормляя его насельницъ.

Спокойно въ то время текла жизнь въ Иверско-Серафимовскомъ монастырѣ. Неторопливо и мѣрно совершалась монастырскія службы.

Мать Магдалина разсказываетъ слѣдующее о жизни монастырской*:

«Особенно помню я, какъ въ 12 часовъ ночи среди засыпающаго города раздавались удары монастырскихъ колоколовъ, и всѣ мы, 100 человекъ насельницъ, съ пѣніемъ «Се Женихъ грядетъ въ полночи...» шли въ нашу Всехвѣстскую церковь читать полунощницу. Впереди игуменья Нектарія съ посохомъ, за ней монахини, послушницъ и много маленькихъ дѣвочекъ — воспитанницъ монастыря. Потомъ монахини оставались служить утрено, читать неуспѣшному Псалтирь, а молодежь расходилась отдыхать по келліямъ, чтобы утромъ идти на послушанія. У насъ свое хозяйство было: садъ, огороды, скотный дворъ — все было свое. Мирно жили

сестры, никогда никакихъ ссоръ между ними не было. Скажетъ кто неловкое слово — тутъ же прошенія попросить. «Прости меня, Христа ради» — это и все. Такую простоту имѣли и любовь другъ ко другу. Старшія жалѣемъ меньшихъ, меньшія — младшихъ.

Я была послушницей у игуменіи Нектарія. Это была особая раба Божія. Проживъ много лѣтъ въ Ставропольскомъ монастырѣ, она стяжала глубокаго смиренія, свѣтлый умъ, живую вѣру и, ставъ игуменей Върненскаго монастыря, видѣла все, каждую мѣлочку, вникала во всѣ дѣла, къ сестрамъ относилась какъ къ дочерямъ, зная нужды и настроенія каждой.

Въ 1913-омъ году въ монастырѣ началось большое смущеніе. Правящій в это время епископъ Иннокентій вознамѣрился убрать изъ монастыря мать Нектарію и на ея мѣсто поставить дочь председателя войскового правленія генерала Бакуевича, молодую яросфорную монахиню Тасію, впоследствии принявшую постригъ съ именемъ Евфросинія.

У матери Евфросиніи съ дѣтства была замѣчена наклонность къ монашеству. Родители часто заставляли ее на ночной молитвѣ, а прислуга жаловалась, что Тасія (ее мірское имя) въ постные дни не пощадитъ общей домашней трапезы, а потихоньку ѣстъ на кухнѣ постную пищу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, выросши въ генеральскую семью и по молодости своихъ лѣтъ (при поступленіи въ монастырь ей было немногимъ болѣе двадцати), она странно сочетала въ себѣ съ тягой къ небесному влеченію къ утѣхамъ свѣтской жизни, если не сказать большаго.

Въ городѣ юродствовалъ въ то время блаженный Порфирій, почитаемый въ народѣ какъ прозорливый. Во время смуты Порфирій сталъ часто появляться въ монастырь и идя по двору громко кричалъ: «Пыль! Пыль! Грязь!» И правда, по такой пыли похала мать Нектарія обратно въ Ставрополь. Плакалъ весь монастырь. Сестры хватались за подолъ ея яресы, бѣжали слѣдомъ. И сама она ѣхала, утирая глаза платкомъ и увозя въ душѣ скорбь за осиротѣвшихъ сестеръ.

И пошло въ монастырѣ нестроеніе, которое сестры называли развратомъ. Многія, не выдержавъ искушенія, ушли изъ монастыря. Оставшіе же не ставили все происходящее въ вину матери Евфросиніи — она была почти дѣвчонка, балованная генеральская дочь, и съ сестрами обращалась какъ съ дѣвчонками.

Порфирій же не унимался. Наберетъ цѣлую охапку мусора, идетъ по монастырю и снова кричитъ: «Пыль! Грязь! Сорь!» Остановятъ его сестры, спросятъ: «Порфирій, ты куда?» — «Къ новой матушкѣ». Зайдетъ къ ней въ покои, да и высыплетъ прямо на полъ весь мусоръ. Но мать Евфросинія терпѣла это, потому что тоже читла его.

Отецъ Серафимъ, болѣзную сердцемъ за судьбу монастыря, пытался убѣдить Пресвященнаго Иннокентія не убирать игуменью Нектарію. Но всѣ его убѣжденія привели лишь къ тому, что возсталъ и на него Владыка, грозя лишить о. Серафима мантии. Въ ожиданіи обѣщаннаго наказанія о. Серафимъ написалъ о своей скорби

*Ниже приводятся воспоминанія монахини Магдалины и Александры Нагибиной.

близкой по духу и хорошо знакомой ему монахиня Дивеевского монастыря, прося спросить о нем у блаженной Паши Саровской. Пашенька же ответила так: «Напишите ему, скажите ему: снять мантию — не пояс распоясать. Пусть не беспокоится». Угрозы епископа Иннокентия так и остались лишь на словах, но тьма не менее духовная жизнь монастыря все больше и больше угасала.

Тогда-то и забрала нас о. Серафим из монастыря в скит на Мохнатую сопку. Александру Нагибину, Татьяну Хахулину, Дарью, меня и пожилую монахиню Евсевию. Сами же монахи рѣшили найти для своих подвигов болѣе уединенное мѣсто.

И вот, как-то утром съѣли мы на лошадок и поехали в Аксайское ушелье искать мѣсто для нового скита. Вчетвером поехали: о. Серафим, Викторь (онъ странникомъ былъ), я и Александра Нагибина. Отецъ Серафимъ сказалъ, что мѣсто Господь укажетъ. Притомившись, къ вечеру остановились близъ пасеки, у подножя Кызьль-Жарской горы. Наловили в Аксайской рѣчкѣ рыбы, перекусили и думаемъ, куда завтра идти. Викторь говоритъ: «Серафимъ, Серафимъ, гляди-ка!» И показываетъ право на гору: «Ты видишь, Серафимъ, сѣть, огонь Божій сѣтъ! Пойдемъ поднимемъ, посмотримъ». Мы съ Александрой какъ ни смотрѣли, ничего видѣть не могли. Темнота кругомъ да и только. Отецъ Серафимъ говоритъ: «Да, вижу, яркй сѣтъ горитъ на горѣ». Три дня пробыли мы у подножя горы, и каждое утро о. Серафимъ и Викторь ходили осматривать мѣсто, откуда съ наступленіемъ темноты исходило это неземное сіяніе, и возвращаясь говорили между собой: «Какое дивное это мѣсто! Какъ тамъ радостно! Какая тамъ святость, красота какая, какая благодать!»

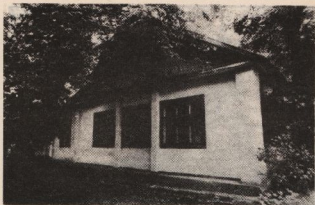
И на мѣстѣ томъ, какъ Богомъ указанномъ, іеромонахи Серафимъ, Феогность и монахъ Ираклій начали строить скитъ.

Поставили келліи на разстояніи приблизительно 100 метровъ одну отъ другой, вырыли три пещеры: в одной хранили продукты, в двухъ другихъ молились. (Пещеры эти существуютъ понынѣ). Общдно служили в большой деревянной келліи у о. Анатолия.

У него въ келліи престолікъ былъ и все нужное было. Пѣли сами, ой, пѣли! Стоишь, молишься, какъ не на землѣ. Я сейчасъ представляю — какъ не на землѣ, нѣтъ. И какая-то жалость, такая жалость, душа трепещетъ, радуется. Монахи!

4. МОНАХЪ СЕРАФИМЪ

Отецъ Серафимъ, человекъ строгой жизни и образованный, былъ духовникомъ скита. Родился онъ в г. Глуховѣ въ 70-е годы. Мирское имя — Александръ. Отецъ его Ефимій былъ управляющимъ у помѣщика. Мать Марія была женщина кроткая и благочестивая, часто посѣщавшая храмъ Божій. В семьѣ было двое дѣтей: Саша и его старшая сестра. Матери было открыто Богомъ, что ея сынъ приметъ мученическую кончину.

Сохранившіеся постройки Серафимо-Иверскаго монастыря (территорія нынѣшняго училища швейниковъ по улицѣ Ташкентской, западнѣе улицы Сейфуллина).

Когда онъ былъ еще мальчикомъ-гимназистомъ, мать, какъ-то проснувшись утромъ, плакала и говорила: «Сынъ мой, я видѣла во снѣ, что ты будешь мученикомъ». Она непрестанно о немъ плакала, а онъ очень любилъ и жалѣлъ ее. Какъ-то онъ на баянѣ игралъ и пѣлъ церковные пѣснопѣнія. Мать слушала. Вдругъ онъ замѣтилъ, что она плачетъ и спросилъ: «Мама, что ты плачешь?» Она отвѣчала, что во время его пѣнія она видѣла вѣнцы надъ его головой и ангеловъ съ нимъ и опять повторила, что кончина его будетъ мученической. Эти слова матери глубоко запали въ его душу. Александръ же такъ разуждалъ: «Если кончина моя будетъ мученической, что искать мнѣ въ міру?» И достигнувъ юношескаго возраста, удалился въ Глинскую пустынь.

Много лѣтъ спустя, когда монахи жили уже въ Аксайскомъ ушельѣ, о. Серафимъ видѣлъ въ тонкомъ снѣ слѣдующее.

Идутъ они втроемъ — о. Анатолій, о. Феогность и о. Серафимъ по ушелью и видятъ — храмъ стоитъ, и какой храмъ! Красоты необыкновенной! Зашли въ него всѣ втроемъ, но о. Анатолій вышелъ изъ храма и убѣжалъ.

И висятъ в этомъ храмѣ пять горящихъ паникадилъ. Вотъ одно изъ нихъ, центральное паникадило, закачалось, закачалось, будто кто-то толкалъ его изъ стороны въ сторону, оборвалось и упало на полъ, а два паникадила висѣли неподвижно. И я, говорить о. Серафимъ, отъ изумления проснулся.

Между двумя скитами, Медео и Кызьль-Жарскимъ было сообщеніе — ѣздили черезъ горы на лошадакъ.

Отецъ Серафимъ пріѣзжалъ къ намъ служить каждое воскресенье. Александра, Татьяна и Дарья пѣли на клиросѣ. Я пѣть не умѣла, пономарила. Но какія это были службы! Когда служилъ онъ Литургію, въ алтарь невозможно было смотрѣть — сіяніе было какое-то необыкновенное. А когда дверь изъ пономарки въ алтарь открывала, то на о. Серафима тоже невозможно было смотрѣть, онъ въ какомъ-то сіяніи весь стоялъ, что и

объяснить не могу. И трепеть такой одолъвалъ, что я отъ алтара сразу отходила, какъ что-то меня отталкивало. Такая, видимо, благодать была.

Въ Аксайскихъ горахъ монахи косили сѣно, выращивали картофель, у источника рядомъ со скитомъ сажали гвоздики, которые въ небольшомъ количествѣ можно найти и сегодня. На другой сторонѣ ушелья, черезъ рѣчку находилась пасека, гдѣ жилъ старый пасечникъ-вдовецъ со своими дѣтьми. Монахи любили бывать у пасечника и бесѣдовать съ нимъ.

Отецъ Серафимъ много говорилъ о концѣ міра и конечныхъ временахъ, а духовныхъ чадъ училъ быть кроткими.

Я молодая красивая была, и коса у меня была дивная. Онъ замѣтилъ, что я собой люблюсь, взялъ ножницы и отбѣрилъ мнѣ косу. Сначала я поскорбилась немного, а потомъ поняла, почему онъ такъ сдѣлалъ, и успокоилась.

Изъ разсказовъ о Серафима о Глинской пустыни мнѣ запомнилось, какъ его самого смиряли въ монастырѣ. Онъ несъ послушаніе въ иконописной, но кромѣ того былъ прекрасный чтець. И вотъ, какъ великій праздникъ, ему непременно велятъ читать пареміи. Отчитавъ, а Архимандритъ велитъ ему сразу въ скитъ отправляться. Онъ плачетъ, не хочетъ идти въ скитъ, хочетъ со всей братіей въ монастырской церкви служить Литургію (такъ красиво и торжественно тамъ служили), а его — въ скитъ, въ уединеніе. Смирялъ Архимандритъ. Ничего не подблещь: плачетъ, но идетъ.

Онъ имѣлъ кроткій нравъ, а вишние былъ очень красивъ, но старался быть незамѣтнымъ. «Это — тѣло, — говорилъ онъ, — все равно что рубашка: сними да брось».

Передъ тѣмъ, какъ служить, о. Серафимъ тщательно приводилъ себя въ порядокъ. Всегда умывается, волосы приберетъ, одежду вычиститъ. А вишь службы вишности своей придавалъ мало значенія, даже юродствовалъ иногда. Спустился однажды въ городъ, зашелъ къ Ѳеодорѣ. Съѣли ѡблать. Тутъ приходитъ женщина, которую о. Серафимъ прежде не видѣлъ. Она смотритъ на него внимательно. Ну, и сталъ онъ нарочно чвкать да небрежно борщъ ѣсть. Женщина смотрѣла на него, смотрѣла, а какъ ушелъ, говоритъ Ѳеодорѣ: «Ну и монахъ къ тебѣ приходилъ! Развѣ это монахъ? Вотъ недавно была я въ церкви на Медое, вотъ тамъ служилъ монахъ! Да какой опрятный, да какъ служилъ благоговѣйно! Вотъ тотъ монахъ — такъ монахъ! А этотъ что? И растрепанный какой-то, и ѣсть-то не умѣетъ: и борода въ борщѣ, и капуста въ борщѣ. Ушелъ, и не вытерся». Ѳеодора смѣялась — служил-то на Медое о. Серафимъ.

Проживая въ Глинской пустыни, о. Серафимъ имѣлъ своимъ духовникомъ иеромонаха Домна (Агеена), духовная связь съ которымъ не прекращалась и послѣ кончины послѣдняго (†1908).

Когда въ 17-мъ году царя свергли, такая страсть была! Женщины наряжались въ священническія ризы, въ

митры, какъ архіереи, на телѣгахъ по городу ѣздили, пѣсни пѣли, плясали. Такое кощунство! Я ночью къ батюшкѣ въ ушелья побѣжала. Поднялась въ гору, еще дверь въ келлію не открыла, а о. Серафимъ уже встрѣчаетъ меня и говоритъ: «Знаю, зачѣмъ пришла. Мнѣ Домнъ сказалъ: "Серафимъ, Серафимъ, царя убрали и скорыми-скорыми шагами все пойдетъ къ погибелю"».

5. МУЧЕНИЦА ЕВДОКІЯ

Одной изъ первыхъ жертвъ репрессій, послѣдовавшихъ за октябрьскимъ переворотомъ 1917 года, стала духовная дочь о. Серафима монахиня Евдокія. Шло лѣто 1918 года.

Отецъ Серафимъ служилъ въ то утро на Медое литургію. Мать Евдокія пришла къ нему исповѣдаться и причаститься, но забылась и съѣла головку мака, что росъ у насъ въ цѣвѣтникѣ. Отецъ Серафимъ принялъ у нее исповѣдь, но причащать не сталъ: «Нездѣя, зачѣмъ ты макову съѣла?» И отпустилъ въ монастырь. Какъ сокрушался онъ послѣ: «Если бы я зналъ, что ее убьютъ, конечно, причастилъ бы ее».

Вечеромъ въ монастырь пришли люди съ винтовками, требуя выдать имъ генеральскую дочь. Напугались сестры, спрятали мать Евфросинію въ амбаръ за мѣшками съ мукой. Красноармейцы, поискавъ и не найдя игуменью, въ отместку поставили у монастырской стѣны монахинъ Евдокію и Анимайсу и дали залпъ изъ винтовокъ. Матери Евдокіи пулей пробило голову и снесло нижнюю часть лица. Мать Анимайса была ранена въ плечо и вскорѣ поправилась въ одной изъ городскихъ больницъ.

Разстрѣлъ монахинъ происходилъ на глазахъ у сестеръ монастыря. Инокія Ѳеодора (Даурцева), близкая подруга монахинъ Евдокіи, увидѣвъ ее обезображенное лицо, была потрясена и заболѣла на нервной почвѣ, потому что окровавленное и изувѣченное лицо всегда стояло у нее передъ глазами. Мать Евдокія явилась къ ней во снѣ и сказала: «Ѳеодора, что ты плачешь, чего боишься? Не плачь, ты же видишь, что я такая, какая была». Послѣ этого сна матушка Ѳеодора перестала видѣть обезображенное лицо и успокоилась.

Въ 1922 году монастырь закрыли, монахинъ выселили, часть корпусовъ разобрали на строительныя нужды.

Лѣто 1921 года было очень дождливое и разрѣшилось сильнѣйшимъ наводненіемъ-селемъ, который прошелъ въ день празднованія Тихвинской иконы Божіей Матери.

Въ этотъ день съ утра не переставая шелъ дождь, а къ полудню напозлда огромная черная туча и хлынулъ небывалый ливень. Вскорѣ онъ прошелъ, стало свѣтло и тихо, будто все замерло. Мы съ сестрами читали вечернее правило въ келлію, когда услышали ужасающій грохотъ, доносившійся изъ ушелья. Что такое? Выбѣжали на улицу, смотримъ съ горы внизъ и видимъ: рѣка Малая Алмаатинка, вышедшая изъ береговъ и превратившаяся

Панорамный снимок могилы и монашеского скита, осень 1992 г.

въ грязевой смерчѣ, несется неустержимымъ потокомъ, срывая на ходу и заворачивая въ мѣсиво стремнины все, что преграждаетъ ей путь. Огромные камни-валуны, вырванные съ корнемъ столѣтнія ели какъ щепки вертятся въ бушующемъ водоворотѣ. Черезъ нѣсколько мгновений потокъ снесъ архіерейскую дачу съ находившимися тамъ людьми, далѣе понесъ дома и жителей ушелья и устремился на городъ, еще не подозрѣвающій о приближающейся къ нему бѣдѣ. За первымъ валомъ черезъ небольшой промежутокъ времени послѣдовала второй, потомъ третій. «Пропала городь!» — кричали сестры. Затѣмъ четвертый, пятый...

Сель пошелъ по улицамъ города. Все застигнутое имъ было снесено съ лица земли и уничтожено. Около полуночи Малая Алмаатинка прорвалась въ свое второе естественное русло — рѣку Весновку, протекающую въ то время за окраиной. Это спасло Вѣрный отъ окончательнаго разрушенія. Далеко за полночь стихія усмирилась, шумъ утихъ. Но еще много дней несла рѣка по разбитому руслу грязевые потоки.

А о. Серафимъ на праздникъ Петра и Павла приѣзжалъ къ намъ всеобщую служить. Мы ахнули! На лошадекъ черезъ рѣчку перескакала. У него конекъ былъ англійской породы, такой красивый и смиренный. Ему изъ монастыря маленькаго конька дали, а онъ его вырастилъ, Ванькой звали. Такъ Ванька куда хочешь Батюшку возить.

Вскорѣ снова гроза была въ горахъ. Молніи какъ стрѣлы били въ корни деревьевъ. Мы вышли на крыльцо келліи — о. Серафимъ, я и Александра Нагибина. Громъ

какъ ударить — и мы съ ней въ разныя стороны какъ горошины полетѣли, я въ одну сторону упала, она — въ другую. А онъ стоитъ хоть бы что, посмотрѣлъ на насъ и улыбнулся. Но боялся вооруженныхъ людей, даже говорилъ, дрожь пробирала, какъ ихъ увидитъ.

Отъ частыхъ дождей этимъ лѣтомъ отсырѣла и завалилась наша подземная церковь. Но впереді намъ были уготованы несравненно большіе испытанія.

6. МУЧЕНИЧЕСТВО СЕРАФИМА И ФЕОГНОСТА

Въ августѣ 1921 года всѣ пятеро монаховъ Аксайскаго скита пошли въ городъ въ Никольскую церковь на праздникъ свѣтителя Пантелеимона. Двое изъ нихъ, о. Ираклій и о. Пахомій, остались въ городѣ, а остальные возвратились въ горы.

Передъ праздникомъ монахи въ горахъ накосили сѣно, и батюшка велѣлъ мнѣ послѣ Пантелеимона прийти помочь его убрать. Я пошла на Медео. Подхожу къ городу. На дорогѣ встрѣтилась матушка протодіакона, который у насъ въ Никольской церкви служилъ, и говоритъ: «Монаховъ-то нашихъ убили!» Я вытаращила глаза: «Какіихъ?» — «Да вотъ, Серафима и Феогоста застрѣляли». Какъ я закричала сразу, заплакала. Она видитъ, что я такъ напугалась, и ничего большаго говорить не стала. Побѣжала я въ церковь — и тамъ говорятъ: «Да, убили, и народъ пошелъ туда». Варъ, подругѣ моей, говорю: «Пойдемъ, Варя, въ Аксай скорѣе».

Побѣжали мы, а уже вечеръ, стемнѣло. Вышли за городъ, тамъ люди въ сторону пасеки ѣдутъ. Посадили насъ на телѣгу. Полпути проехали — и ночь наступила.

Легли спать на улицъ, въ телгѣ. Я не спала. И вотъ смотрю на небо — и какъ сейчасъ вижу — идутъ двѣ звѣзды, такія звѣзды сіющія и рядомъ идутъ и идутъ. И кто-то мнѣ говоритъ: «Одна звѣзда Серафима, другая — Ѳеогности». Какъ мы соскочили.

— Варя, айда! Ой, Варя, вставай, пойдем!

— Да куда пойдемъ, такая темень!

— Нѣтъ, пойдемъ, пойдем!

— Да какъ же черезъ рѣчку переходить будемъ?

— Пойдемъ на пасеку, у пасечниковъ лошадь — переправят!

Соскочили, побѣжали одни ночью по щели. Прибѣжали на пасеку — тамъ народъ собрался, о. Пахомій, о. Ираклій и о. Анатолій тамъ. Рѣчку перейти не рѣшаются: она разлилась отъ жары и водой несло мостикъ. Мы плачемъ: «Везите насъ на ту сторону». А рѣчка Аксай большая, бурная была. Очень опасно, такая сильная вода шла, и верхомъ опасно. Но перевезли насъ пасечники, всѣ переѣхали. Побѣжали мы въ гору къ скиту. Пришли — ой-ей-ей! Я сказать не могу, въ какомъ настроеніи были. Мы кричали! Кричали, плакали. Подошли къ батюшкѣиной келліи, а онъ, какъ убили его, такъ и стоитъ на колыночкахъ, одной рукой за столбикъ держится, въ другой — четки. А о. Ѳеогности лежалъ въ своей келліи на лежанкѣ, будто спалъ.

Отецъ Анатолій намъ все поразсказалъ. Вечеромъ 28-го числа приѣхали трое красноармейцевъ на лошадахъ съ ружьями. Отецъ Серафимъ принялъ ихъ въ своей келліи, напоилъ чаемъ съ медомъ, постлѣилъ подъ елкой сына и уложилъ спать. Самъ ко мнѣ прибѣжалъ, говоритъ: «Какіе-то подозрительные: приѣхали, чай пили, молчали, какъ звѣри кругомъ смотрѣли. Положилъ ихъ спать — не спать, все разговариваютъ». Отецъ Анатолій говоритъ: «Смотри, не скажи чего лишнего». Отецъ Серафимъ всегда проповѣдовалъ о концѣ міра, всегда, кто бы къ нему ни пришелъ, не боялся, говорилъ, что будетъ, объ этомъ времени, что сейчасъ идетъ, онъ все разсказывалъ. Вотъ и говоритъ о. Анатолій:

— Ты не ошибисъ, что сказать.

— Какое тамъ, я ихъ боюсь, у меня вся душа трепещетъ.

Легли эти трое спать, а о. Серафимъ не спалъ. Навѣрное, правило на улицѣ читалъ, разъ на колыночкахъ и четки съ нимъ. Подъ утро красноармейцы подошли къ нему, наставили ружье въ спину, онъ и закричалъ: «Анатолій!» Закричалъ, а они въ это время выстрѣлили. Отецъ Анатолій понялъ, что они убили его и побѣжалъ на гору и по горѣ внизъ на пасеку. Прибѣжалъ чуть живой, безъ одежды, весь побился и едва не утонулъ въ рѣкѣ. А они по дорожкѣ пошли къ о. Ѳеогности. Отецъ Ѳеогности имѣлъ обыкновеніе по ночамъ молиться въ пещерѣ. Возможно, усталъ отъ ночной молитвы, прилегло въ своей келліи отдохнуть — Богъ знаетъ, — но какъ лежалъ онъ, скрестивъ руки на груди, такъ и остался — они ему въ сердце выстрѣлили. Красноармейцы обыскали келліи, надѣясь найти деньги, но не нашли ничего, ушли.

Отецъ Пахомій, ночуя въ городѣ, видѣлъ во снѣ, какъ на скитъ напали эфіопы.

На другой день приѣхали милиционеры, посмотрѣли, разрѣшили хоронить.

Вырыли могилу, покрыли ее досками и безъ гробовъ, завернувъ монаховъ въ мантии, похоронили по древнему монашескому правилу.

А потомъ у насъ отпѣвали въ скиту на Мохнатой сопкѣ. Отецъ Анатолій отпѣвалъ. Какъ онъ плакалъ, о. Анатолій! И сорокъ дней служилъ на Медео въ келліи о. Серафима, которую батюшка самъ выстроилъ. И во всѣхъ церквахъ, которыя въ городѣ были, служили сорокоустъ. Въездъ каждый день обѣдня шла, потому что ихъ очень чтли всѣ.

На сороковой день по смерти батюшекъ дочь моей сестры Евдокии Волковой, семью которой о. Серафимъ часто навѣшалъ, восьмилѣтняя Стефанида передъ пробужденіемъ видѣла сонъ. Идетъ о. Серафимъ съ радостнымъ сіяющимъ лицомъ, впереди его — горящая свѣча на подсвѣчникѣ, а зади, тоже очень радостный, идетъ о. Ѳеогности. Одѣты они въ томъ, въ чемъ похоронены: о. Ѳеогности въ подрясникъ, на о. Серафимъ поверхъ подрясника легкій полушубокъ, который онъ надѣлъ въ ночь убійства, укрываясь отъ ночной прохлады. Шли они на поклоненіе Господу.

Въ этотъ моментъ мать разбудила дѣвочку, и та заплакала: «Мама, ихъ встрѣчали ангелы, но ты не дала мнѣ досмотрѣть, какъ Господъ дастъ имъ новую одежду».

Убійщъ нашли, но военный трибуналъ судить ихъ отказался. Сказали такъ: «Они убили монаховъ, а монаховъ мы и сами убиваемъ». Впоследствии эти трое совершили другіе преступленія: убили въ городѣ нѣсколько человѣкъ. Ихъ судили и приговорили къ разстрѣлу.

Незадолго до гибели о. Серафима сиѣлы мы — Александра, Татьяна, Дарья, я и батюшка — въ цвѣтникѣ у поклоннаго креста на Мохнатой сопкѣ. Отецъ Серафимъ въ этотъ день сказалъ намъ: «Сестры, вы послѣ меня великая скорбь понесете». Далъ онъ намъ Святыя Дары, вложенныя въ небольшую коробку, зашитую въ матерчатый чехолъ съ ляжкой для ношенія на груди и сказала: «Когда будете въ тюрьмѣ и вамъ станетъ извѣстно, что тамъ есть священникъ, напишите на бумагѣ свои грѣхи и тайно передайте ему, чтобы разрѣшилъ. Когда разрѣшитъ, прочитайте молитвы, какія будете помнить, и взывъ лжекой Святыя Дары, причаститесь».

Нѣсколько лѣтъ Святыя Дары хранились у меня подъ окладомъ иконы. А когда въ началѣ тридцатыхъ годовъ насъ всѣхъ четверыхъ арестовали и погнали въ Коми край, мы взяли ихъ съ собой и терпя всѣ тяготы тюремной жизни, имѣли большое духовное угѣшеніе, прибѣгая къ Святымъ Животворящимъ Таямъ.

Провѣдя свою кончину, о. Серафимъ говорилъ духовнымъ дочерямъ: «Меня не будетъ. Я буду здѣсь похороненъ, а вы каждый годъ ходите ко мнѣ на могилу».

Монахини, инокини и прихожане выполняли это послушаніе. Каждый годъ, идя на могилу, они заходили

на песку. Старик-пасечник завёшал своимъ дѣтямъ: «Тѣхъ, кто идетъ на поминки, поить чаемъ, наливать медъ и давать столовая ложки — пусть медъ ложками ѣдятъ и ихъ поминаютъ».

7. МОНАХЪ ИРАКЛІЙ

Иеромонахъ Пахомій, монахъ Ираклій и о. Анатолий послѣ всего случившагося жить въ скиту не остались.

Монахъ Ираклій (мірское имя Сергій Матякъ) жилъ въ Талгарѣ въ семьѣ старосты талгарской церкви И. Д. Дмитріева. Въ домѣ жить отказался и построилъ себѣ келлю въ саду. Очень любилъ дѣтей Дмитріева. Бывало, играть съ ними, забавляется, потомъ закроетъ лицо руками: «Прости, Господи!» И смѣется. Къ нему иногда приходили вѣрненскія монахини Евфалія, Дороея, Магдалина и инокини Александра, Феодора, Маріамна, Татьяна. Любили всѣ вмѣстѣ сидѣть вечерами въ саду подъ яблонями и пѣть псалмы и духовныя канты:

Полезно ночью для души
Въ пустынной и ѣмой глуши
Въ уединеній сидѣть
На звѣздный сводъ небесъ смотрѣть.
Среди свѣтилъ плыветъ луна.
Кругомъ молчанье, тишина.
Легко уму горе взлетаетъ
И въ небѣ Бога созерцать.

Отецъ Ираклій часто надолго уходилъ въ горы молиться. Въ 1928 году семью Дмитріева арестовали и отправили въ ссылку на Аральское море. Передъ арестомъ о. Ираклій ушелъ на Иссыкъ-Куль въ с. Сазановку (нынѣ Ананьево). До ухода тѣшилъ схиму.

Адрианъ Максимовичъ Дубининъ рассказываетъ слѣдующее:

«Когда въ 1928 году пришелъ о. Ираклій въ Сазановку, не зная, гдѣ главу приклонить. Взялъ его къ себѣ мой братъ Миронъ. Онъ ошукатурилъ и побѣлилъ баньку въ саду и поселилъ тамъ о. Ираклія. Въ 1929 году у брата дѣлали обыскъ, и я забралъ о. Ираклія къ себѣ, устроивъ его въ маленькой комнатѣ своего дома. Онъ былъ уже въ преклонныхъ годахъ. Изъ дома выходилъ рѣдко, все больше въ кельѣ своей затворялся. Къ нему все время шли люди, каждый со своей нуждой. Одинъ у насъ такой старецъ былъ на всю округу.

Въ 1936 году накануне Пасхи о. Ираклій пошелъ въ сосѣднее село Семеновку — тамъ больной монахъ жилъ. Очень, говоритъ, хочу въ Пасху съ монахомъ помолиться. А у насъ въ то время такъ было: какъ праздникъ — всѣхъ священниковъ въ тюрьму. Подержать съ недѣлю и выпустятъ. И здѣсь въ пятницу плащаницу вынесли, а въ субботу утромъ пришли они въ церковь (свой же сельскіе рыбаки, но имъ была дана власть для разгрома населенія), служба идетъ своимъ чередомъ, а они — прямо въ Царскія врата. Священника изъ алтаря вытолкали, завернули такіа папиросы, задымили и — пфу-пфу — храмъ оживляютъ. Такъ мы эту Пасху безъ священника сами служили, какъ могли.

Утромъ, какъ кудичи посвятали, пришелъ о. Ираклій. Радостный, свѣтится весь. Похристовались, сѣли за столъ разговляться, бесѣдуемъ. Онъ мнѣ говоритъ:

— Вотъ что, братъ, это послѣдняя моя Пасха. На Вознесеніе буду отходить ко Господу.

Я говорю:

— Батюшка! Да вѣдь на Вознесеніе обязательно заберутъ священниковъ! Кто же будетъ васъ убирать? Хоронить?

— Ты и уберешь и похоронишь, — даль онъ мнѣ пузырекъ масла іерусалимскаго. — Этимъ масломъ меня польешь. Срѣжешь съ моего аналава херувима вышитаго — имъ покроешь мнѣ лицо.

Слегъ онъ въ среду, накануне Вознесенія, а въ четвергъ, въ самый день праздника, тихо умеръ. Мы съ отцомъ и братьями одѣли его въ схимническую одежду и какъ онъ мнѣ объяснилъ, показалъ, такъ я и сдѣлалъ: покрылъ херувимомъ его лицо. Хоронили его всѣмъ міромъ. Народу! — Всѣ поселки съѣхались. Голосъ пѣнія до небесъ былъ. Схоронили за селомъ, неподалеку отъ убитыхъ киргизами иноковъ Иссыкъ-Кульскаго монастыря. Пришло, значитъ, и его время».

8. ПРЕП. МУЧ. ПАХОМІЙ

Иеромонахъ Пахомій (въ міру Русинъ Прохоръ Петровичъ), 1880 года рождения, уроженецъ Курской губернии. Послѣ 21-го года нѣкоторое время тайно жилъ вмѣстѣ со странникомъ Викторомъ и схимонахомъ Тихономъ съ скиту на горѣ Горѣльникъ въ районѣ Медео. Изрѣдка приходилъ въ городъ, останавливался у монахинъ. Былъ очень молчаливъ.

А. Нагибина вспоминаетъ:

«Придемъ, бывало, послѣ вѣсенощной, чаю поьемъ. Матушка Евфалія проситъ его:

— Отецъ Пахомій, скажите два-три слова, скажите живое слово для спасенія души!

А онъ:

— Кхе, кхе... Сестры, молитесь. Читайте Іисусову молитву.

И все. Или служить въ келлія на Медео. Сестры просятъ:

— Отецъ Пахомій, сегодня такой праздникъ, ну скажите нѣсколько словъ!

Онъ только и скажетъ:

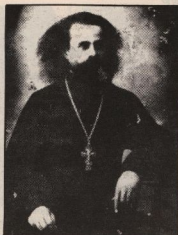
— Сестры, молитесь надо, истинно молитесь надо. Іисусову молитву не нужно забывать».

Въ концѣ 20-хъ годовъ, когда были сильныя гоненія, о. Пахомій ушелъ съ Медео и жилъ въ городѣ у разныхъ людей. Тайно служилъ, вѣнчалъ, отивалъ на дому. Часто ходилъ съ монахинями на аксайскую могилу.

Какъ поднимемся на гору, перво-наперво папихиду отслужимъ. Потомъ отдохнемъ и съдемъ у могилы на поваленныя ели. И сколько я помню, всегда были ясныя ночи. Сидимъ мы на бревнишкахъ, и поютъ сестры. Долго поютъ. А пѣвцы были еще монастырскія, хорошо пѣли. Потомъ вечернюю молитву почитаемъ, наломаемъ

Слева:
Скитъ на Мохнатой сопкѣ. Въ верхнемъ ряду: справа — о. Пахомій, вторая слева — мать Магдалина. Фото 1928 г.

Справа:
Гермонахъ Анатолій. Фото 1916 г.

ельника, набрасаемъ на землю и спимъ на этихъ лапняхъ. Какой тамъ сонъ! — только вздремнешь чуть-чуть. Утромъ обѣдницу служилъ о. Пахомій. Проповѣди говорить не могъ — онъ былъ лишень дара слова. Онъ плакалъ, всегда плакалъ. Потомъ прокашляется и скажетъ: «Господь прибавлялъ ихъ, а я все мотаюсь. А какъ было бы хорошо и мнѣ вмѣстѣ съ ними. Да вотъ, не подобился».

Въ 1935 году о. Пахомій былъ арестованъ и посаженъ въ Алма-Атинскую тюрьму, гдѣ претерпѣлъ издевательства и въ 1936-омъ году былъ разстрѣлянъ.

9. ПРЕП. МУЧ. АНАТОЛІЙ

Гермонахъ Анатолій послѣ 1921 года нѣкоторое время жилъ въ Вѣрномъ, служилъ во Всехсвятской церкви Иверско-Серафимовскаго монастыря, которая еще нѣкоторое время послѣ закрытія обители была дѣйствующей. Тамъ же управлялъ хоромъ, писалъ музыку.

Мы часто къ нему приходили. Придемъ, а онъ намъ скажетъ:

— Послушайте-ка, что слово.

И станеть пѣть и на аккордеонѣ играть. А то рассказывалъ, какъ мыша къ нему приходила, мышу кормилъ.

— Сижу, — говоритъ, — за столомъ, смотрю — идетъ. Я ей хлѣбушка на землю. Интересно — мыша!

Въ серединѣ 20-хъ годовъ о. Анатолій ушелъ въ Сухуми, гдѣ жилъ также въ горахъ. Вель перенеску съ вѣренскими монахинями. Вскорѣ имъ была получена вѣсть съ Кавказа объ арестѣ и разстрѣлѣ отца Анатолія.

10. МУЧ. СТРАННИКЪ ВИКТОРЪ

Странникъ Викторъ былъ сброшенъ съ самолета, когда его, послѣ того какъ по многимъ тюрьмамъ возили, изъ Караганды рѣшили перевести въ другую тюрьму, въ новую ссылку въ Кызыль-Орду. И гдѣ-то въ бескрайнихъ просторахъ Джезказганской пустыни лежитъ онъ, а духъ его престолу Божію предстоить.

11. ПРЕП. МУЧ. ФЕОГНОСТЬ

Время сокрыло отъ насъ труды и духовные подвиги отца Феогоста. Мы не имѣемъ о немъ біографическихъ данныхъ. Люди, знавшие его, и его духовные чада давно перешли въ міръ иной. Но Господь далъ ему кончину праведную, мученическую. Въ одной могилѣ лежитъ онъ съ отцомъ Серафимомъ и, вѣрится, одинаковымъ съ нимъ вѣномъ увѣнчанъ въ Царствіи Божіемъ.

Нѣтъ ихъ фотоснимковъ — храненіе ихъ сулило ГУЛАГ. Но духовный образъ ихъ запечатлѣнъ въ памяти народной.

Духовные чада монаховъ до послѣднихъ дней своей жизни посѣщали могилы.

Въ 50-ые годы вѣрующіе послѣ праздника цѣлителя Пантелеимона пошли на поминки и зашли по обыкновенію на пасеку. Пасека къ тому времени стала государственной, но потомки пасечника еще оставались тамъ. На горѣ близъ пасеки стали строить дачи.

Пасечники удивились приходу вѣрующихъ, спрашивая, развѣ они не были еще въ этомъ году на могилахъ, и рассказали слѣдующее:

«Въ одну ночь мы увидѣли на горѣ, гдѣ могилы, яркій свѣтъ, словно жгли огромный костеръ. А потомъ слышимъ — пѣніе церковное. Дачники тоже выходили и слушали, кто это такъ красиво поетъ. Подумали, что вѣрующіе пришли въ этомъ году нѣсколько раньше обычного, и обидѣлись, что не зашли на пасеку. Поскорѣли, а наутро только разсвѣло, собрались, налили бачокъ меда — все равно накормимъ! — и сами пошли на могилы. Пришли и, не найдя никакихъ слѣдовъ, свидетельствующихъ о томъ, что тамъ кто-либо былъ, вернулись обратно».

Также говорили, что и прежде ихъ родственники не разъ видели свѣтъ и слышали пѣніе на могилахъ.

Нина Сивильевна Попченко рассказываетъ:

«Это произошло примѣрно въ 1965 году, въ августѣ. Насъ пошло въ горы около 30-ти человекъ и съ нами

ТРОПАРЬ

гласъ 1-й

Любве ради Христова отечество свое оставльше* вся міра сего красная, яко скорисчезающая презрѣвше,* горяго Иерусалима възскующе,* на горахъ Тянь-Шаня подвигами благочестія Святыю Троицу прославили есте.* И вѣщнами добродѣднаго мученичества украсившися,* граду Алма-Атѣ богодарованныя покровители явились есте,* преподобномученицы Серафиме и Ѳеогносте,* Православія мужественная исповѣдницы.* Тѣмже и мы, духовныя чада ваша, съ любовію вопіемъ:* Слава давшему вамъ крѣпость,* Слава вѣнчавшему васъ,* Слава подающему вами милости и исцѣленія.

КОНДАКЪ

гласъ 2-й

Благое иго Христово на себя воспримше,* и легкое бремя Его любовію облыбавши,* житеіемъ своимъ Агнца Божія проповѣдавше,* за истину, радуясь, пострадали есте* и въ покои Небесный прешедше,* съ лви святыхъ престолу Божію предстоите,* преподобномученицы Серафиме и Ѳеогносте,* граду Алма-Атѣ испросите миръ и всѣмъ чтущимъ васъ велию милость.

Современная икона Ново-священномучениковъ Серафима и Ѳеогноста.

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКАМЪ СЕРАФИМУ И ѲЕОГНОСТУ

О, БОГОБЛАЖЕННАЯ двоие друзей Христовыхъ, преподобніи стратотѣрщицы Серафиме и Ѳеогносте! Казахстанскія страны свѣтильницы достопочтенныя, града Алма-Аты зашитницы и покровители Богодарованные, православныхъ всѣхъ неусыпные наставницы! На небеси Богопросвѣщенными душами вашими престолу Божію предстоиши, на земли же мученически за Христа пострадавшими, тѣлсы вашими на горахъ Заилійскихъ почивающія и различна дарованія духовная всѣмъ съ вѣрою и любовію къ вамъ приходящимъ источающія! Милостивымъ призрѣніемъ благосердія вашего призрите на люди, святыю память вашу почитающія, на мѣстѣ исповѣдническихъ подвиговъ и преподобническихъ трудовъ вашихъ святыи гробъ вашъ обстоиши и теплаго вашего ко Господу ходатайства во обдѣржавшихъ нуждахъ просиши. Все бо мы по множеству грѣховъ нашихъ не дерзаемъ возвести на Небо очесъ нашихъ, долу поникшихъ, вы же яко стяжавши дерзновение ко Господу и нынѣ со Ангелы Ему предстоиши, принесите о насъ благоуханныя молитвы ваша, во еже избавитися намъ отъ глада, потопа, труса, огня, меча, нашествія иноплеменикъ и междоусобныя брани, отъ всякія скорби, золь и болезни душевныя и тѣлесныя, отъ людей и діавола по грѣхамъ нашимъ бывающія. Да сихъ избѣжавше, Господу усердно работавше, молитвами вашими и теплымъ предстательствомъ видимъ въ нескончаемый покой Царства Небеснаго и тамо съ вами и лики всѣхъ святыхъ прославимъ Великое Имя Святыя Троицы, Отца и Сына и Духа Святаго во вѣки вѣковъ.

Аминь.

Литургия на могилъ Новомучениковъ, 11-го Августа 1993 г.
Архиепископъ Алма-Атинскій и Семипалатинскій Алексій.

инокиня Александра. Она была уже старенькая, больная и согбенная, шла потихоньку, опираясь на посошокъ.

Большую часть пути мы прошли благополучно и дошли уже до хребта Кызыль-Жарской горы. На горъ паслось стадо коровъ, среди которыхъ были быки. Не обративъ на стадо особаго вниманія, мы хотѣли пройти мимо. Но стадо неожиданно разъярилось, и быки съ ревомъ бросились на насъ. Мы — вразсыпную, побѣжали кто куда: въ канавы, за бутры, кто на деревья полезъ, кто просто бѣжалъ безъ оглядки. Быки разъяренные, бьютъ объ деревья рогами такъ, что щепки летятъ и гулъ стоитъ. Одинъ бѣжить прямо на матушку Александру. Ну, а матушка куда побѣжить? Ей уже восьмой десятокъ тогда шель. Все, думаемъ, забодаетъ, а что дѣлать — не знаемъ и сообразить отъ страха не можемъ. А она стоитъ, не шелохнется, только посошкомъ своимъ ему пригрозила и негромко сказала «Успокойся, успокойся!» И быкъ, взрывъ копытами землю, рѣзко остановился, посмотрѣлъ на матушку, понурилъ голову и пошелъ смиренно прочь.

Стадо усмирилось. Мы стали выходить изъ своихъ укрытій, но долго не могли прийти въ себя отъ пережитаго ужаса и отъ внезапнаго и чудеснаго нашего избавленія отъ бѣснующагося стада. На матушку же

Прославленіе Казахстанскихъ Новомучениковъ.
Литургия 11-го Августа 1993 г.

случившееся какъ будто не произвело большого впечатлѣнія, она лишь сказала: «Онъ меня послушалъ, потому что я по послушанію иду». И пошла, опираясь на посошокъ спускаться дальше по тропинкѣ хребта.

Послѣ этого происшествія многие боялись ходить на могилы. Но монахини, имѣвшія переписку съ бывшими глиняскими иноками, подвизавшимися на Кавказѣ, получили письмо, въ которомъ говорилось: «Ходите, нельзя могилы оставлять. Это нечестые духи вошли въ стадо, чтобы вы ходите туда перестали. А вы ходите туда обязательно, потому что благодать тамъ большая».

12. ПРОСЛАВЛЕНІЕ

Въ августѣ 1991 года, къ 70-лѣтію со дня гибели монаховъ, православная молодежь города, по благословенію Архиепископа Алма-Атинскаго и Семипалатинскаго Алексія, установила на могилѣ новый поклонный крестъ.

Вечеромъ 10-го Августа 1993 года въ Свято-Никольскомъ кафедральномъ соборѣ г. Алма-Аты, передъ началомъ торжественнаго Всенощнаго бднія, совершалась послѣдняя панихида по убиеннымъ іеромонахамъ Серафимѣ и Феогностѣ и иже съ ними въ Казахстанской землѣ пострадавшихъ іеромонахъ Пахоміи, іеромонахъ Анатолиі, схимонахъ Ираклиі, странникъ Викторѣ и убиенной монахинѣ Евдокии.

Въ послѣдній разъ этимъ вечеромъ было прочтѣно молебное прошеніе къ Богу «Со святыми упокой, Христе, души рабъ Твоихъ». И утромъ слѣдующаго дня, послѣ Божественной Литургіи, иное прошеніе: «Святіи преподобномученици Серафиме и Феогносте, молитве Бога о насъ!» — перевернуло пространство, и наше — людей, живущихъ во времени, — прошеніе за нихъ предъ Богомъ смѣнилось прошеніемъ къ нимъ — живущимъ въ вѣчности — предъ Богомъ за насъ. И пасхальная радость, стирая въ земные противорѣчія, залила душу, соединяя всю тварь и всю Вселенную въ единое ликование у тихой могилы лѣтнимъ утромъ на склонахъ Кызыль-Жарской горы.

В. Королева.

ИЕРОМОНАХЪ ЕВЛОГІЙ
со своей любимой лошадкой-послушницей.

ВАЛААМСКАЯ ПАТРОЛОГИЯ

ПОЛНЫЙ ВАЛААМСКІЙ ПАТЕРИКЪ

Когда приумножается зло въ обществахъ, то Господь Своєю милостію приумножаетъ благодать, чтобы поддержать настроеніе и духъ вѣрующихъ, дабы они продолжали подвизаться. Явленіе въ наше время такихъ міру незамѣтныхъ праведниковъ является милостію Божіей для вѣрующихъ, подвизающихся на путь Христовой, и особенно молодыхъ, только начинающихъ подвижниковъ. Ниже помѣщаемое краткое жизнеописаніе является первоначальной версіей будущей биографіи, если на то Господь благословитъ и удастся собрать больше.

ИЕРОМОНАХЪ ЕВЛОГІЙ

Память 7-го Мая (†1969 г.)

1. СВѢТОНОСНЫЙ СТАРЕЦЬ

ВЪ СОЗВѢЗДИИ Валаамскихъ праведниковъ не мало было иноковъ, просіявшихъ въ буквальный смыслъ, засвидѣтельствовавшихъ свое Богоносное призваніе, отражая на себѣ Благодать Божію, въ видѣ глазомъ осязаемаго чудеснаго явленія Божественнаго Свѣта, которое на св. иконахъ изображается нимбомъ вокругъ главы святаго. Конечно, явленіе это рѣдчайшее, но не чуждое въ святоотеческой литературѣ. О немъ писалъ и защищалъ его Святитель Григорій Палама, утверждая, что смиреніе обладателей такихъ божественныхъ даровъ часто скрываетъ отъ нихъ собственную ихъ святость и этимъ ограждаетъ ихъ отъ гордости.

Въ одномъ изъ писемъ Схи-Игумена Іоанна*, изданныхъ на Новомъ Финляндскомъ Валаамѣ, есть упоминаніе объ одномъ «смирненномъ» иеромонахѣ, за которымъ было замѣчено братіей, что во время совершенія имъ Божественной литургіи лицо его какъ бы преобразалось и отдавало нѣкій отсвѣтъ, точно исходило сияніе. Упоминается это какъ-бы невольно и нехотя, дабы не

*Письма Валаамскаго старца, письмо № 116, въ англійскомъ переводѣ — № 114.

смущать его, если это коснется извѣстности. Я очень заинтересовался и, будучи знакомъ съ бывшимъ валаамскимъ монахомъ, впоследствии епископомъ, не могъ воздержаться отъ любопытства спросить, знаетъ ли онъ такового. И я не ошибся. Онъ мнѣ, какъ и другіе, повѣдалъ слѣдующее.

Уже въ сороковые годы, во время войны, когда съ Валаама забрали почти всѣхъ призывнаго возраста на войну, на Валаамѣ осталось почти нѣкому совершать суточный кругъ богослуженій. Тогда рукополагали всѣхъ, кого только могли. Въ числѣ такихъ оказался и смиренный уже не молодыхъ лѣтъ монахъ Евлогій, не имѣвшій большаго пальца на лѣвой рукѣ. Ему не такъ то просто было совершать проскомидію и ему помогали. Увѣчнымъ считалъ себя О. Евлогій, и еще больше смирился передъ Божіемъ Провидѣніемъ, призвавшимъ его совершать св. Евхаристію. Да и такъ онъ былъ простъ, какъ дитя.

Смиреніе его доходило до комичности, чѣму и самъ онъ улыбался. Но на дѣлѣ это былъ великанъ духа, мужъ огромнаго терпѣнія и Христовой кротости.

Про него говорили, что онъ, хотя впрочемъ какъ и другіе Валаамскіе монахи, былъ большой дѣлатель

молитвы Иисусовой. Часто его видѣли въ полномъ погруженіи въ себя и когда, какъ бы очнувшись, приходилъ въ смущеніе, ибо виталъ какъ бы въ потустороннемъ мірѣ. На Валаамѣ очень усердно проходили подвигъ Иисусовой молитвы. Каждый инокъ десятками лѣтъ всецѣло погружался въ келейную молитву, съ которой нѣхота разставался уходя на послушанія и въ трапезную. Въ храмѣ Иисусова молитва соединялась съ ходомъ богослуженія и поэтому монахи стояли неподвижно въ храмѣ на своихъ мѣстахъ, точно вкопанные, не шелухнутся, не двинутся, точно замирали въ своихъ, какъ бы аэонскихъ стасидіяхъ.

Отецъ Евлогій кроме того обладалъ хорошимъ голосомъ и умудрялся, стоя на клиросѣ, пребывать неподвижно въ напряженномъ молитвенномъ состояніи. Но когда онъ служилъ литургію или сослужилъ, то алтарь становился для него подлинникомъ «святая святыхъ» и онъ духомъ виталъ въ поднебесьѣ.

Рассказывали про него, что онъ иногда совсѣмъ отрывался отъ земнаго, уходя глубоко въ молитву, въ себя, въ потусторонній мірѣ. Замѣчали, что его обликъ тогда мѣнялся, лицо просвѣтлялось, и говорили, что онъ какъ бы озарялся фосфорическимъ свѣтомъ. Начали наблюдать за нимъ.

На Валаамѣ такое явленіе не новость. Было и раньше немало случаевъ такого озаренія. Особо не слѣдили. Но однажды во время литургіи его лицо такъ засіяло ослѣпительнымъ свѣтомъ, что близъ стоящіе священномонахи быстро бросили полотенце на его голову, дабы не ослѣпнуть и чтобы небыло смущенія. Но Отца Евлогія это никакъ не смущало, онъ продолжалъ молиться по-прежнему. Проявленіе нетварнаго божественнаго свѣта, какъ видно на примѣрѣ О. Евлогія, есть знакъ великой милости Божіей за глубокое смиреніе.

2. ПРИЗЫВЪ НА ВАЛААМЪ

Родился О. Евлогій въ Тверской губерніи 5-го Февраля 1876 года и нарѣченъ въ крещеніи Ефремомъ. Фамилія его была Θεодоровъ. Отца звали Θεодоромъ, а мать Параскевой. Были они крестьянскаго происхожденія, но ихъ сынъ получилъ первоначальное образованіе. Въ день окончанія обученія ему выдали удостовѣреніе и онъ, радостный, что получилъ важную бумагу, дабы сохранилась непомятой, положилъ ее въ шапку для сохраненія, одѣлъ на голову дабы въ сохранности принести ее домой. Но подуль сильный вѣтеръ, сорвалъ шапку съ головы и бумага полетѣла въ воздухъ и упала въ быстро выходящую рѣку, откуда невозможно было ее достать. Такъ начались скорбныя взаимоотношенія его съ цѣлостями міра сего, къ которымъ онъ пересталъ относиться съ особой важностью.

Рано у молодого Ефрема появилось желаніе уйти изъ міра въ монастырь. Но родители этого не хотѣли, хотя впоследствии благословили иконой Знаменія Божіей Матери, которую онъ сохранилъ до своей кончины.

На Валаамѣ онъ впервые прибылъ весной 1900 года, 18-го Мая и 11 лѣтъ спустя былъ постриженъ въ монахи.

О томъ, какъ это происходило остались его собственныя записки, которыя проливаютъ свѣтъ, какое большое вліяніе оказывалъ на монашеское призваніе Св. Праведный О. Іоаннъ Кронштадтскій. Всплѣдствіи въ своихъ письмахъ о. Евлогій часто цитируетъ изрѣченія и примѣры изъ жизни великаго пастыря, какъ бы живеть имъ, и дышетъ тѣмъ зарядомъ, который получилъ въ Кронштадтѣ. Вотъ его слова.

3. СВ. ІОАННЪ КРОНШТАДСКІЙ

«Было большое Божіе чудо, какъ Господь привелъ меня на Валаамъ. Это исторія длинная и многообразная. Я былъ въ монастырѣ послушникомъ, пѣлъ и читалъ въ церкви. Вотъ искуситель началъ меня искушать и ввелъ меня въ уныніе. И навелъ слѣдующіе помыслы: «Тебѣ лучше всего возвратиться въ міръ и идти домой. Здѣсь въ монастырѣ твоя жизнь будетъ бесплодной, потому что ты ушелъ изъ дома безъ благословенія родителей».

Я заволновался и не зналъ, что дѣлать: остаться ли въ монастырѣ или же уѣхать? Тогда мнѣ пришла мысль: поеду я къ отцу Іоанну Кронштадтскому и попрошу у него совѣта о волновавшихъ меня помыслахъ.

И что же получилось? Отецъ Іоаннъ прозрѣлъ духовными очами, что я нуждаюсь въ его совѣтѣ.

Онъ приснился мнѣ ночью, онъ пришелъ ко мнѣ на Валаамѣ, гдѣ я жилъ на Германовскомъ островѣ въ скиту, и разговаривалъ со мною всю ночь. На прощаніе отецъ Іоаннъ сказалъ мнѣ: «Изъ тебя будетъ монахъ и тебѣ дадутъ имя Евлогій». Тогда меня послушникомъ отправили въ Москву на подворье помогать пѣть и читать въ церкви, а также и въ Петроградъ на Валаамское подворье.

На Валаамѣ я пѣлъ во многихъ скитскихъ церквяхъ. Мнѣ много пришлось терпѣть и страдать.

Еще при жизни отца Іоанна Кронштадтскаго я ѣздилъ къ нему два раза, когда я былъ въ большой печали. Стоялъ я въ нѣкоторомъ разстояніи отъ церкви около двери, ведущей въ садъ. Въ это время отецъ Іоаннъ совершалъ литургію; онъ чувствовалъ сердцемя, что я нуждаюсь въ его помощи въ моей скорби и онъ молился за меня. И тотчасъ я почувствовалъ въ себѣ внутреннюю перемену. Я самъ себя не сознавалъ. Я чувствовалъ, что сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Скорби замѣнились радостью и я дивился такой переменѣ, что случилось внутри меня.

Такъ вотъ молитва отца Іоанна за меня сотворила великое чудо.

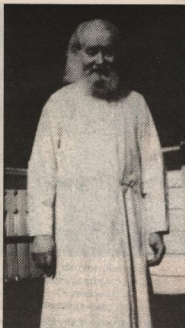
Въ другой разъ, когда я получилъ благословеніе отъ отца Іоанна и, поцѣловавъ его руку, я почувствовалъ какъ съ меня свалилась черная туча или гора, и все оказалось хорошо и благополучно.

Этими посѣщеніями отца Іоанна моя мірская жизнь показала мнѣ ничтожной и я уѣхалъ на Валаамъ.

На Валаамѣ меня отправили на Тихвинскій скитъ и тамъ я простудилъ ногу уже и раньше болѣвшую, такъ что не могъ ступить ея. Я сталъ просить скитскаго

Братская трапеза на Новомъ Валаамѣ съ Игуменомъ Несторомъ во главѣ,
О. Евлогій второй слева.

Отець Евлогій въ
Новомъ Валаамѣ.

начальника отвезти меня въ монастырь, а онъ не хотѣлъ меня отпустить. Тогда я попросилъ его отслужить молебень Тихвинской иконѣ Божіей Матери. Я написалъ записку, въ которой я просилъ указать мнѣ, остаться ли мнѣ въ скиту или же возвратиться въ монастырь. Записку положилъ на престолъ три раза и я получалъ всегда тотъ же отъ Нее отвѣтъ: «Возвратись въ монастырь!» И я похалъ.

По прибытіи моемъ въ монастырь, я пошелъ за благословеніемъ къ отцу игумену; онъ разсердился на меня, моль, почему я вернулся въ монастырь безъ его благословенія. Онъ послалъ меня на тяжелое послушаніе. Была зима и я развозилъ дрова изъ лѣсу по братскимъ кельямъ. Монахи сами пилили, колоди и укладывали въ коридоръ, въ указанное мѣсто для дровъ. Совершилось чудо! Моя нога стала поправляться. Конюшенный хозяинъ далъ мнѣ такую молодую лошадь, которая все ломала, но со временемъ она привыкла ко мнѣ; я кормилъ ее корками хлѣба, которые оставались отъ братш послѣ обѣда. И такъ моя лошадь стала смиренной и послушной. Конюшенный управитель очень удивился, увидѣвъ что лошадь стала другаго характера. Я ее постоянно гладилъ, разговаривалъ съ ней и въ тайнѣ молился Божіей Матери, и Она спасала меня отъ многихъ опасностей.

Въ одно время я былъ командированъ въ Хюмплянь на архіерейскую дачу близъ города Сердоболя, тамъ жилъ епископъ Кипріанъ, тогда еще іеромонахъ.

По смерти о. Іоанна Кронштадтскаго, когда исполнилось 20 сутокъ, о. Кипріанъ сказалъ мнѣ: «Давай совершимъ по отцу Іоаннѣ парастасъ». Такъ мы совершили полную службу по усопшему. Во время парастаса меня охватило невѣдомое счастье, котораго я никогда раньше не испытывалъ. Я радовался всемъ моимъ сердцемъ. И что же случилось? Ночью, такъ около четырехъ часовъ, явился въ мою келью отецъ Іоаннъ въ сопровожденіи о. Кипріана, который спросилъ у отца Іоанна: «Скажите, отецъ Іоаннъ, кто виновенъ въ томъ, что у о. Евлогія нѣтъ на рукъ большаго пальца?» Отець Іоаннъ отвѣтилъ: «Никто не виновенъ, это было Божіе изволеніе, чтобы такъ совершиться». Затѣмъ отецъ Іоаннъ подошелъ къ моей кровати радостный, подаль мнѣ листъ бумаги и карандашъ и сказалъ: «Напиши, что я буду говорить тебѣ». Затѣмъ онъ говорилъ мнѣ много различнаго и хорошаго. Все не могу рассказать, ни написать. Я отъ радости какъ бы растаялъ и дивился тому, какъ Богъ проявилъ свою милость мнѣ грѣшному. Наконецъ отецъ Іоаннъ общалъ мнѣ всегда помогать во всѣхъ дѣлахъ и не оставлять меня никогда».

4. ВАЛААМСКОЕ ВОИНСТВО

Пришелъ О. Евлогій на Валаамъ, когда тамъ игуменствовали Гавріилъ, присный ученикъ великаго Дамаскина. Игумень Гавріилъ былъ тоже выдающимся человекомъ. Помимо своихъ великихъ строительныхъ достижений и успѣховъ въ церковной живописи, онъ глущ

Крестный ход на молебii в Новомъ Валаамъ въ престольный праздникъ Преп. Сергія и Германа Валаамскихъ. О. Евлогій — первый слѣва (виденъ отсутствующій палецъ).

боко интересовался внутреннимъ міромъ души. В своей перепискѣ О. Евлогій пишетъ: «Нашъ покойный игуменъ Гавриилъ однажды написалъ Святителю Ѳеофану Затворнику, что ему трудно сосредоточиться при молитвѣ Иисусовой въ связи съ совершеніемъ своего обычнаго молитвеннаго правила. Въмѣсто молитвы онъ ощущалъ въ душѣ нечувствительность, холодъ и блужданіе помысловъ. Святитель ему отвѣтилъ, что помимо всего прочаго это происходитъ отъ избытка многословія и пѣнія и посовѣтовалъ игумену на время замѣнить Иисусову молитву краткими молитвами Святителя Іоанна Златоуста. Ихъ тамъ 24, которые начинаются словами «Господи, не лиши мене небесныхъ Твоихъ благъ...» Святитель совѣтовалъ ему повторять ихъ нѣсколько разъ. Эти краткія молитвы замѣчательны...»

Въ 1911 году молодой монахъ былъ постриженъ съ именемъ Преподобномученика Евлогія Эдесскаго и продолжалъ проходить обычные монашескія испытанія. Онъ безусловно велъ внимательный образъ жизни. Въ скорбѣхъ прибѣгалъ къ помощи святыхъ, о чемъ онъ впоследствии совѣтовалъ другимъ.

Не легко ему давалась крайне усиленная молитвенная напряженность. Слезы часто сопровождали его подвиги, о чемъ онъ писалъ: «Слезы великая милость и даръ Божій. Мы должны особенно благодарить Бога, что Онъ одарилъ насъ смертныхъ слезами, которые смыываютъ съ насъ всю скверну грѣховную. Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся... Св. отцы насъ учатъ, если ты не достигъ плача, знай, что ты еще служишь міру сему. Первый плодъ духовнаго подвига есть слезы. Когда достигнешъ дара слезъ, знай, что твой разумъ покинулъ темницу міра сего и пошелъ по новой дорогѣ. Появленіе слезъ есть указаніе на то, что духовное дитя въ тебѣ рождается».

Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ, что было очевидно изъ своего собственнаго опыта: «Одинъ монахъ всегда плакалъ и оплакивалъ свои грѣхи въ продолженіи цѣлаго года. Потомъ ему явился Самъ Господь и спросилъ монаха: «Зачемъ ты плачешь? Я далъ за всѣхъ людей Свою кровь и въ ней прощены и твои грѣхи». Затѣмъ Господь коснулся рукой его сердца и монахъ почувствовалъ неизрѣченную радость въ своемъ сердцѣ».

Очевидно, въ этой замѣткѣ кроется ключъ къ пониманію причины той радости и святости облика О. Евлогія, ибо онъ былъ чуждъ мірскаго волненія и суеты. И въ тоже время онъ всегда былъ трезвъ и принималъ полное участіе въ томъ, что окружало его. Онъ былъ со всѣми и одновременно наединѣ съ Богомъ.

Его рукоположили въ іеродиакону въ 1926 году, а въ іеромонахи уже на Новомъ Валаамѣ въ 1944 году въ военное время. Проходилъ всѣ обычные послушанія, былъ въ скитахъ и на подворьяхъ. Большею частью его назначали пѣвчимъ, т. к. у него былъ хорошій голосъ, теноръ.

По натурѣ онъ былъ тихъ и спокоенъ. Держался въ сторонѣ, былъ всемъ доволенъ и, какъ *испуганно* монашески, былъ мертвъ всѣму.

5. НА НОВОМЪ ВАЛААМЪ

На старомъ Валаамѣ О. Евлогій былъ кроткимъ рядовымъ монахомъ, ничѣмъ не отличавшимся. Его не замѣчали, да и зачѣмъ — вся жизнь монаха съ момента его ухода изъ міра растворяется въ смиренномъ самоотверженномъ послушаніи; онъ какъ бы умираетъ, и постепенно приобщается къ потустороннему міру.

На Новомъ Валаамѣ уже съ 1944 г. онъ сталъ замѣчаться и посторонними паломниками. А мать Марія Стаховичъ изъ Ново-Дивѣевской обители, преданная «старостильница-Валаамка», конечно, хорошо помнила безпалаго Іеромонаха О. Евлогія. Говаривала она намъ:

«А какъ же, хорошо помню О. Евлогія! Смирненнй онъ былъ! Все на коношиѣ послушаніе несъ съ лошадыми. И они его знали. Какъ увидятъ издалека такъ галопомъ мчатся къ нему. Точно разговаривала съ нимъ. Все понимали. Онъ ихъ все сахаромъ кормилъ. Да и тогда, когда во время военное у самихъ монаховъ то ничего не было въ достаткѣ. Видно, онъ всю свою порцію отдавалъ животнымъ. Такъ любилъ онъ ихъ».

Помню такой случай. Во время войны военный отрядъ пришелъ въ монастырь и начальникъ потребовалъ лошадей для военной надобности. Жаль было монахамъ разставаться съ ними. Въдъ лошади на поляхъ монастырскихъ главными работниками были. Ничего не подѣлалъ. Увели лошадей и думали монахи, что такъ ихъ больше никогда и не увидятъ. А лошади привыкли къ монахамъ. Жаль было на монаховъ смотрѣть, прощавшихся со своими любимыми работниками.

Но къ общей радости, послѣ войны пришелъ приказъ монахамъ явиться и забрать своихъ лошадей. Когда тѣ пришли, а однимъ изъ нихъ былъ О. Евлогій,

то солдаты имъ говорить: «Смотрите, лошади всё вмѣстѣ изъ разныхъ мѣстъ». А было ихъ множество на полѣ, сотни лошадей. «Своихъ вы не узнаете, но берите какихъ захотите. Мы помочь вамъ не можемъ найти вашихъ». Но О. Евлогій говоритъ: «Ничего, мы своихъ возьмемъ, чужихъ намъ не надо». А солдаты тутъ смѣются надъ простотой монаха, наивно думающаго изъ сотни лошадей своихъ найти. Но О. Евлогій недолго думая, пошелъ впередъ. Лошади начали смѣрять. Но какъ тутъ изъ такой массы узнать своихъ? Тогда одна за другой определенныя безсловесныя животныя, пробываясь средь толпы лошадей, подходили къ О. Евлогію и совали свои морды въ карманъ его подрясника, гдѣ находились кусочки сахара, и вытаскивая ихъ, доказали, что были ихъ хозяева. Такъ и вернулись къ нимъ всё ихъ лошади и ни одна изъ нихъ не пропала, всё вернулись.

Помню, что О. Евлогій души былъ старостильникъ, но не вникалъ въ церковныя дѣла. Онъ былъ далекъ, какъ и большинство, отъ дѣла тѣсно не прикасавшихся къ внутреннему міру монашеской души. Онъ былъ весь въ молитвѣ, хотя и служилъ часто, и письма писалъ далекимъ паломникамъ.

Образъ его улыбающійся, но невидящій предъ собой предмета, вызывающаго улыбку. Онъ жилъ своимъ чисто монашескимъ міромъ. Мироллобствовалъ и былъ молчаливомъ, но при надобности говорилъ дѣльно.

6. ДУХОВНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ

Самое любимое занятіе у отца Евлогія была переписка съ духовными дѣтьми. Въ его письмахъ открывалась его духовная подвижническая жизнь. Во всёхъ испытаніяхъ о. Евлогій твердо вѣрилъ, что Богъ управляетъ нашей жизнью, и въ молитвы Пресвятой Богородицы и молитвы всёхъ святыхъ. Всё его поученія наставника-старца были самыя простыя и всёмъ доступныя. Онъ давалъ наставляемымъ конкретныя совѣты и наставленія жить по-христіански.

Вотъ нѣкоторыя выборки изъ писемъ отца Евлогія, взятая нами изъ его переписки и изданныя отдельной брошюрой на фирскомъ языкѣ.

О МОЛИТВѢ ИСУСОВОЙ:

Исусова молитва есть зеркало души. Молитва умиряетъ гнѣвъ и ненависть, уничтожаетъ гордость души и уныніе. Молитва просвѣщаетъ разумъ, отстраняетъ лѣнность, поражаетъ въ душѣ умиленіе и туда вселяетъ страхъ Божій. Молитва даритъ подаяемъ слезы. Исусова молитва отгоняетъ худыя грязныя помыслы; отгоняетъ злыхъ духовъ и очищаетъ разумъ и тѣло. Она учитъ терпѣливо. Это все происходитъ въ душѣ укрѣпляемое ангелами.

О МОЛИТВѢ КЪ БОЖІЕЙ МАТЕРИ:

Особенно часто надо стараться обращаться съ молитвой къ Божіей Матери. Передъ Ней никакія сопротивныя силы не могутъ устоять.

Ея молитва сильнѣе молитвъ всёхъ святыхъ. Къ Ней надо всегда торопиться во всякой скорби и во всёхъ печалаяхъ отъ нападенія злыхъ духовъ и высшихъ вражескихъ нападеній. Мы величаемъ Ее всецѣло и Она Всеблагая приготовляетъ намъ вѣчную участь. Мы часто говоримъ Ей въ молитвѣ «Радуйся». А Она со своей стороны проситъ у Своего Сына и Бога въ молитвѣ: «Возлюбленный Мой Сыне, даруй имъ вѣчную радость за то, что они пріивѣтствуютъ Меня словами архангела «Радуйся».

ОБЪ АНГЕЛАХЪ ХРАНИТЕЛЯХЪ:

Наши мирныя ангелы, вѣрные наши хранители душъ и тѣлесъ, они всегда съ нами, если мы ихъ не отгоняемъ злыми дѣлами и грѣхами. Мы чувствуемъ, какъ они насъ охраняютъ своими крыльями. Но мы ихъ не видимъ. Хорошія мысли и дѣла всегда исходятъ отъ нихъ. Намъ нужно прилежно молиться имъ и просить ихъ защищенія.

О СЛЕЗАХЪ:

Святые отцы учатъ:

Если еще не достигъ слезъ, знай, что ты еще въ тайнѣ служишь міру. Духовныя плоды начинаютъ расти отъ слезъ. Какъ усовершенствуешься и получишь даръ слезъ, тогда знай, что ты вышелъ изъ земной темницы и вступилъ ногой на новый путь жизни.

УТѢШЕНІЕ:

Одинъ монахъ плакалъ и скорбѣлъ за свои прегрѣшенія цѣлый годъ. Къ нему явился Самъ Господь и спросилъ монаха: «Почему ты плачешь? Я далъ и пролилъ Свою кровь за васъ, и твои грѣхи прощены».

И Господь Своей рукою прикоснулся къ его сердцу, и сразу же онъ почувствовалъ незримую радость въ своемъ сердцѣ.

7. ПРАВЕДНАЯ КОНЧИНА

Прожилъ онъ долгую жизнь, на 94-мъ году скончался. Случилось это 7-го Мая 1969 года.

Большую часть времени, около 70 лѣтъ монастырской жизни, отца Евлогія, прошло въ церковныхъ послушаніяхъ. Еще въ 1965 году онъ принималъ участіе вмѣстѣ съ другими іеромонахами при совершении литургіи. Последніе 3 года слабѣе зрѣние мешало ему участвовать въ совершеніи богослуженія, но своими молитвами этотъ уважаемый многими паломниками старецъ участвовалъ во всёхъ монастырскихъ богослуженіяхъ какъ въ будни такъ и въ праздники. Духовно онъ былъ бодръ и частично даже работоспособенъ, такъ какъ тонка одной печи въ нижней церкви и переписка со многими духовными дѣтьми была его ежедневнымъ послушаніемъ. За года два до кончины его видѣли лѣтомъ косимъ сено и приводящимъ въ порядокъ косы. Кончина была мирная, онъ просто утасъ, и пошелъ къ Богу.

Игуменъ Германъ

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Древній Валаамскій Крестъ.

Возобновляющей 39-ой годъ изданія, послѣ перерыва съ 1917 года.

Журналъ обладаетъ правами Copyright by St. Herman of Alaska Brotherhood.

Печатается и редактируется

ВАЛААМСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ АМЕРИКИ — VALAAM SOCIETY OF AMERICA
P. O. Box 130, Forestville, California 95436 USA Факсъ: (707) 887-9023, тел.: (707) 887-9740 или (916) 343-2859

ВАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ является миссіонерскимъ движеніемъ, цѣль котораго сохраненіе и распространеніе древне-христіанской монашеской мудрости внѣ всякихъ церковныхъ раздѣленій, для всѣхъ 50 юрисдикцій, исповѣдующихъ Православную Вѣру во всѣхъ странахъ міра. Основано въ 1983 году какъ результатъ 20-ти лѣтнихъ трудовъ Братства При. Германа Аляскайскаго, исходящаго съ благословенія Архимандрита-пустынника Герасима, что на Еловомъ островѣ (†1969), и утвержденнаго Святителемъ Іоанномъ Максимовичемъ (†1966).

Благословеніе Святыяго Патріарха Московскаго и всея Руси Алексія II.

ЖЕЛАЮЩІЕ СТАТЬ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА ВНѢ РОССИИ призываются усердно молиться за Россію, за Валаамское Общество и за его миссіонерскія цѣли. Каждый членъ Общества, кромѣ своей подписки на «Русскій Паломникъ», также автоматически оплачиваетъ одну годовую подписку, которая пойдетъ въ Россію.

Годовое членство: 25 ам. дол. Пожизненное членство: 250 ам. дол.

Статьи принимаются, но безъ полемики.

*Царство Божіе нудится и не нуждающее
себя воспитать его.*

СОДЕРЖАНІЕ № 13, 1996

1. СТОЯНІЕ ЗА СТРАЖЬ	3
2. ПЮХТИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ	5
3. <i>Современный Материконъ:</i> БЛАЖЕННАЯ ЕКАТЕРИНА	15
4. <i>Иноческая Лура:</i> ПОСЛЬДНІЙ ПОКЛОНЪ	30
5. <i>Новый Россійскій Мартирологій:</i> ПРЕПШ. СЕРАФИМЪ И ФЕОГНОСТЬ	33
6. <i>Полная Валаамская Патрологія:</i> ІЕРОМОНАХЪ ЕВЛОГІЙ	44

ЧИТАТЕЛИ ВЪ РОССИИ!

Ввиду того, что въ настоящее время въ Россіи получать журналъ по почтѣ затруднительно, советуемъ спрашивать нашъ журналъ въ церковныхъ лавкахъ Москвы. Немосквичамъ, желающимъ получать «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ», слѣдуетъ направлять свои письма по адресу:

105318 Москва
ул. Зверинская, 14-14
Легойде Владимиру
Тел/Факс (095) 964-0753

Въ Петербургѣ: — Валаамское Подворье
198020 г. Петербургъ
Нарвскій проспектъ 1/29
Тел. 1869923

Въ Сибири: — Серафимъ Унисло
630090 г. Новосибирскъ
а/я 279

Материалы для публикaціи въ журналъ слѣдуетъ посылать по адресу:
Abbot Herman
St. Herman of Alaska Brotherhood
P. O. Box 70
Platina, California 96076 U.S.A.

Хребть горы Кызыль-Жар Аксайскаго ущелья, гдѣ находится могила
Новомучениковъ и монашескай скитъ.

НА ЗАДНЕЙ ОБЛОЖКѢ: Св. Праведный О. Иоаннъ Кронштадтскій въ годы расцвѣта его пастырской дѣятельности,
портретъ въ старинной рамкѣ, передъ которымъ лежитъ его кашнѣ, частицы котораго раздавались
О. Адрианомъ своимъ духовнымъ чадамъ во время прославленія О. Иоанна въ 1964 году.

Uspenskiy, Spetsialnyy Komitet
1883